

СЫМА ЦЯНЬ И ЕГО «ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»

Свое современное название «Исторические записки» (*Ши цзи*) труд Сыма Цяня получил уже после смерти автора; сам Сыма Цянь называл свое сочинение «Книгой Придворного историографа» (*Тайшигун шу*). Название это символично. Оно явилось своеобразной данью уважения «отца китайской историографии» к древним, уходящим в глубь веков традициям, созданным и ревниво сохранявшимся придворными историками-летописцами. О той исключительно важной роли, которую сыграли эти предшественники Сыма Цяня в истории формирования исторических представлений древних китайцев, говорит уже тот факт, что в древнекитайском языке само понятие «история» является производным от знака *ши*, в своей первоначальной форме изображавшего руку, державшую табличку для письма; отсюда его первоначальное значение — «человек, ведающий записями». Древнейшие образцы таких записей — иньские надписи на костях и черепаших щитках — по своему назначению не являются летописью в узком смысле этого слова, но их составление входило в компетенцию историографа, что наложило на них определенный отпечаток. Это проявляется прежде всего в исключительном внимании, уделявшемся категориям места и времени — неперенное условие летописных записей. Кроме этого, отнюдь не все иньские надписи связаны с ритуалом гадания (хотя они и вошли в науку под названием «гадательных надписей»). Среди них есть записи событий, происшедших при дворе (присылка дани, совершение жертвоприношений и т. д.), а также записи речей вана, обращенных к знати или к войску. Таким образом, уже в иньских надписях мы находим истоки двух типов

исторических записей, характерных для «летописного» периода древнекитайской историографии: записи речей и записи событий.

Один из древнейших исторических памятников Китая, *Шан шу*, представляет собой образец записей «речей правителя». Сопоставление текста *Шан шу* с надписями на бронзовых сосудах чжоуской эпохи позволило не только установить аутентичность той его части, которая имеет отношение к эпохе Чжоу, но и показать, что составление *Шан шу* было непосредственно связано с деятельностью придворных анналистов.

Надписи на бронзе свидетельствуют, что историограф при дворе чжоуского вана не только выполнял функции скриба, но и оглашал приказы правителя во время торжественной церемонии инвеституры, сопровождал его в военных походах, занимался вопросами астрологии и предсказаниями судьбы. Оценка событий и лиц под кистью анналиста была мериллом добра и зла — это в первую очередь и определяло высокое общественное положение историографа и его непререкаемый авторитет.

В то же время в такой оценке роли историографии нельзя не видеть истоки принципа «поощрения и порицания», связанного с другим памятником древнекитайской историографии — *Чунь-цю*. Ортодоксальная традиция приписывает авторство *Чунь-цю* Конфуцию, однако в основе летописи, несомненно, должна была лежать хроника, составленная в царстве Лу. О существовании подобных хроник в целом ряде других царств говорят многочисленные свидетельства. Мэн-цзы упоминает названия некоторых из них: *Чэн* в царстве Цзинь, *Тао-у* в царстве Чу, *Чунь-цю* в царстве Лу. Характеризуя *Чунь-цю* как образец древнекитайской летописи, Лян Ци-чао указывал на следующие ее особенности:

1. Исключительная лапидарность. Каждая запись содержит не более 40 иероглифов, а есть такие, которые состоят всего лишь из одного иероглифа.

2. Каждая запись посвящена одному событию, и между записями нет органической связи. Несколько записей, относя-

щихся к одному году, составляют самостоятельные части летописи.

3. В летописи отражены только события, происходившие при дворах правителей — *чжухоу*.

4. С исключительной подробностью рассказано о стихийных бедствиях, землетрясениях, солнечных и лунных затмениях¹.

Характерная черта этих ранних летописей состояла в том, что анналист видел свой долг в фиксировании событий, но не пытался анализировать и обобщать их. Не случайно ни в одном из исторических сочинений доханьской эпохи, по существу, не ставился вопрос об исторической закономерности, о причинной зависимости в развитии истории и т. д. Такая задача могла быть решена лишь после длительного периода первоначального накопления исторических знаний.

Впервые такая задача была поставлена в двух исторических сочинениях древности: «Истории» Полибия и «Исторических записках» Сыма Цяня². Многие черты сближают эти труды (их авторы были почти современниками), и в первую очередь представление о цели и назначении истории: Полибий справедливо считал, что частные истории его предшественников оказались бессильными «обнять и узреть духовным взором прекраснейшее зрелище прошлых событий», и сам называл свою историю «всеобщей»³. Сыма Цянь видел цель своего труда в «проникновении в суть изменений древности и нынешнего времени»⁴.

И все же труды Полибия и Сыма Цяня во многом отличаются друг от друга.

«История» Полибия всеобща в том смысле, что она включает историю нескольких стран (хронологически же она ограничивается периодом в 50 с небольшим лет); «Исторические записки» Сыма Цяня всеобща в том смысле, что, во-первых,

¹ Лян Ци-чао, *Методы изучения...*, стр. 17.

² Н. И. Конрад, *Полибий и Сыма Цянь*, — в кн.: «Запад и Восток», стр. 54—88.

³ В. Бузескул, *Введение...*, стр. 184.

⁴ ХШБЧ, т. 6, стр. 4270.

будучи написаны в конце II в. до н. э., они излагают историю Китая начиная с мифических времен и кончая периодом жизни автора, т. е. охватывают эпоху по меньшей мере в две тысячи лет; во-вторых, включают историю не только ханьцев, но и других народов, связанных с Китаем исторически и территориально.

«Исторические записки» состоят из 130 глав, содержащих более 500 тысяч иероглифов. Такого колоссального труда не знала не только историография, но и вообще наука того времени.

«Исторические записки» ознаменовали начало нового этапа в развитии китайской историографии. Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что даже в эпоху Сыма Цяня такие сочинения, как *Го юй*, *Цзо чжуань*, *Чжаньго цэ* и другие, рассматривались в первую очередь как классические произведения типа конфуциевой *Чунь-цю*, а не как исторические памятники. Не случайно, составляя на грани нашей эры каталог книг императорской библиотеки, Лю Сян и Лю Синь отнесли все эти сочинения к разделу *Чунь-цю*. Появление «Исторических записок» в значительной мере стимулировало интерес к изучению истории. Если до Сыма Цяня в Китае было написано всего 190 цзюаней исторических сочинений, то за одно столетие после появления *Ши цзи* их число достигло 235 цзюаней⁵; к VII в. общий объем произведений исторического характера исчислялся уже 16 585 цзюанями, т. е. за несколько столетий увеличился более чем в сорок раз⁶. Исторические сочинения, включаемые в каталоги книг, выделялись уже в особый раздел. Тем самым за историей было окончательно признано право на существование в качестве самостоятельной отрасли науки.

⁵ ХШБЧ, т. 5, стр. 3109—3114.

⁶ СШ, стр. 39—70.

ЖИЗНЬ ИСТОРИКА

ТРАДИЦИИ РОДА

Из «Автобиографии» Сыма Цяня известно, что в период правления чжоуского Сюань-вана (827—782 гг. до н. э.) один из далеких предков Сыма Цяня занимал должность историографа при дворе Чжоу. После его смерти эта должность передавалась по наследству на протяжении нескольких поколений, и весьма вероятно, что среди историков по фамилии Сыма, упоминаемых в надписях на бронзовых сосудах VIII—VII вв. до н. э., были и предки Сыма Цяня. В VII в. до н. э. предки Сыма Цяня покинули пределы Чжоу и переселились в царство Цзинь; пять столетий спустя прерванная традиция была возрождена Сыма Танем, отцом Сыма Цяня. Тань был широко образованным человеком. Он изучал астрологию и философию у известных ученых того времени, а его сочинение «Сущность шести философских школ» свидетельствует о том, что он не только превосходно знал классическую философию, но смог подняться до критического изложения основных ее направлений⁷. В 140 г. до н. э. Сыма Тань был назначен на должность главного придворного историографа при дворе только что взошедшего на престол императора У-ди.

Одна из наиболее колоритных фигур в галерее правителей ханьской династии, император У-ди пришел к власти спустя 80 лет после первого объединения Китая и создания Цинь Ши-хуаном единой централизованной империи. Просуществовав всего лишь 15 лет, империя Цинь пала под ударами народного восстания. Длительная междоусобная война претендентов на власть пагубно сказалась на состоянии экономики страны. Первый император новой, ханьской, династии был вынужден пойти на ослабление налогового гнета и принять ряд других мер, направленных на восстановление хозяйства. Он сделал серьезные уступки и старой аристократии из бывших княжеств, уничтоженных Цинь Ши-хуаном. В результате восстановления системы наследственных владений усилились

⁷ Ф. С. Быков, *Зарождение...*, стр. 74—76.

центробежные устремления знати, что привело в конечном счете к ее открытому выступлению против центральной власти. Мятеж был подавлен, но проблема централизации не была еще решена окончательно. Только к середине II в. до н. э. общий подъем хозяйства и укрепление экономических связей между отдельными районами страны постепенно создали базу для целой серии мероприятий, ознаменовавших начало правления императора У-ди. Ликвидация наследственных владений, укрепление центрального государственного аппарата, успешная внешняя политика и значительное расширение территории государства — все это, вместе взятое, характеризовало «золотой век» У-ди. Ханьский Китай наряду с Римом и Парфией входит в число крупнейших держав мира.

Введение должности придворного историографа было одним из многочисленных свидетельств специализации высших чиновников в государстве и детализации их функций. Сама по себе должность историографа располагалась невысоко на служебной лестнице: его содержание составляло лишь 600 даней зерна, в то время как *чэнсян* (первый советник) получал 2 тысячи даней; согласно придворному церемониалу *чэнсян* носил серебряную печать на синем шнурке, а главный историограф имел право лишь на бронзовую печать с черным шнурком и т. д. Но именно к историографу попадали теперь прежде всего документы, поступавшие с периферии в столицу. Помимо систематизации и хранения документов главный историограф выполнял целый ряд функций, связанных с астрологией и составлением календаря. В его обязанности входил также выбор дней для совершения религиозных церемоний и жертвоприношений.

ДАТА РОЖДЕНИЯ СЫМА ЦЯНЯ

«Придворный историограф,— пишет Сыма Цянь о своем отце,— служил в период *цзянь-юань — юань-фэн* (т. е. с 140 по 110 г. до н. э.)... [у него] родился сын, которого называли Цянь. Цянь родился в Лунмэне»⁸. Таким образом, точной

⁸ ШЦ, т. 6, стр. 3293.

даты своего рождения Сыма Цянь не указывает. Современные ученые проделали большую работу, чтобы решить этот вопрос, однако полного единства во мнениях на этот счет до сих пор не достигнуто.

Косвенные данные, на основании которых могут быть установлены даты жизни Сыма Цяня, сами по себе противоречивы. Комментатор Сыма Чжэн, поясняя сообщение Сыма Цяня в автобиографии о занятии им после смерти отца должности придворного историографа, цитирует следующее место из сочинения *Бо-у чжи*: «Придворный историограф, [который приписан к] уезду Маолин, селению Сяньули, дафу Сыма [Цянь], 28 лет от роду, назначен на должность с жалованием 600 даней, на третьем году в шестом месяце в день *и-мао*»⁹. Согласно этому свидетельству, в июне 107 г. до н. э. Сыма Цяню было 28 лет, т. е. он родился в 135 г. до н. э. Однако другой ранний комментатор «Исторических записок», Чжан Шоу-цзе, после фразы: «...через пять лет после того, как Цянь стал Придворным историографом, в первый год *тай-чу*», — отмечает: «Цяню 42 года»¹⁰. Таким образом, по версии Чжан Шоу-цзе, в 103 г. до н. э. Сыма Цяню было 42 года, т. е. он родился в 145 г. до н. э. Дискуссия ведется в основном между сторонниками этих двух версий, хотя китайскими и японскими учеными выдвигались и иные датировки рождения Сыма Цяня (129 г., 150 г., 163 г. до н. э. и др.).

Доказательства, выдвигаемые в защиту даты 135 г. до н. э., представляются нам более убедительными. Действительно, цитированные Сыма Чжэном данные *Бо-у чжи* полностью совпадают с канцелярской формой аттестации государственных чиновников ханьского времени, которая достаточно хорошо изучена после обнаружения в Цзюйяне подлинных ханьских документов на деревянных табличках. Правда, Ван Го-вэй, являвшийся сторонником версии 145 г., также признавал достоверность цитаты из *Бо-у чжи*, но считал, что при переписке в ней допущена ошибка: вместо «28 лет лет от роду»

⁹ ШЦ, т. 6, стр. 3296.

¹⁰ Там же.

должна стоять цифра 38¹¹. Другие ученые, однако, показали, что с таким же успехом результатом ошибки переписчика могла быть и цифра 42 в комментарии Чжан Шоу-цзе. Поэтому решающее значение имеет сопоставление некоторых других свидетельств первоисточников. В письме к Жэнь Шао-цину, написанном, как полагают, в 93 или 91 г. до н. э., Сыма Цянь упоминает, что он служил при дворе «более двадцати лет»¹². Если бы он родился в 145 г., то в момент написания письма ему было бы уже 52—54 года, между тем известно, что службу при дворе Сыма Цянь начал в 20 с чем-то лет. Если же он родился в 135 г., то письмо к Жэнь Шао-цину написано им в возрасте 42—44 лет, т. е. действительно спустя 20 лет после начала службы при дворе.

По мнению Чэн Цзинь-цао, дата 135 г. противоречит собственным словам историка: «Цянь родился в Лунмэне. Пахал и пас скот на южных склонах гор»¹³, так как в 140 г. отец его, Сыма Тань, переселился в столицу¹⁴. Но если вслед за Чэном предположить, что Сыма Цянь родился в 145 г. и вместе с отцом уехал из Лунмэна, то окажется, что он «пахал и пас скот» в возрасте 4—5 лет! Более логичным будет предположить, что хотя придворный историограф и занимал должность в столице, но сын его родился и провел детство на родине¹⁵. Там же Сыма Цянь, видимо, начал учиться, быстро овладев древней классикой¹⁶.

К сожалению, скупые строки автобиографии не дают нам никаких сведений о том, когда Сыма Цянь переселился в Чанъань. Мы видим его уже 25-летним юношей, отправляющимся в путешествие по стране — первое свое путешествие. Маршрут этого путешествия Сыма Цяня, то, чем он интересовался в пути, дает возможность сделать определенные выводы о цели его поездки.

¹¹ Ван Го-вэй, *Гуаньтан цзи-линь*, т. 2, стр. 493.

¹² ХШБЧ, т. 6, стр. 4261.

¹³ ШЦ, т. 6, стр. 3293.

¹⁴ Чэн Цзинь-цао, *Четыре исследования о датах рождения и смерти Сыма Цяня*, — в кн.: «Сыма Цянь и Ши цзи», стр. 151.

¹⁵ Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 79.

¹⁶ ШЦ, т. 6, стр. 3293.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Путь Сыма Цяня в его первой поездке по Китаю представляется в следующей последовательности. Начав свое путешествие в Чанъани, он доехал до Лояна, затем повернул на юг, в современную провинцию Хунань, где в верховьях реки Сянцзян находится гора Цзюишань. Там, по преданию, умер легендарный император Шунь. Оттуда Сыма Цянь спустился вниз по течению реки Сянцзян и прибыл в Чанша. Здесь в водах реки Мило некогда погиб великий поэт Цюй Юань. «Читая „Скорбь отлученного“, „Вопросы к небу“, „Призывание души“, я скорбел вместе с ним. Приехав в Чанша и побывав у реки Мило, где покончил с собой Цюй Юань, я не мог сдержать слез: мне казалось, что я увидел самого поэта», — писал Сыма Цянь¹⁷.

Из Чанша Сыма Цянь направился на восток и побывал на горе Куайцзи (современная провинция Чжэцзян, уезд Шаосин), с которой связано множество исторических легенд. Именно здесь легендарный Юй собрал будто бы совет своих военачальников; в горе сохранилась пещера, названная его именем.

Из Чжэцзяна Сыма Цянь едет на север, в бывшие княжества Ци и Лу — места, связанные с жизнью Конфуция. В Лу Сыма Цянь «осматривал родовой храм Конфуция, повозку, в которой он ездил, одежду, которую он носил, обрядовые атрибуты, которые он употреблял при жертвоприношениях»¹⁸. Обратный путь в Чанъань лежал через Пэнчэн (современный Суйчжоу), где были еще живы предания о деятельности основоположника ханьской династии Лю Бана и его сподвижников. «Я был в Фэн и Пэй, расспрашивал стариков о прошлом, видел могилы Сяо Хэ, Цао Шэня, Фань Куая, Тэнгуна... Поистине странные вещи услышал я!» — пишет историк¹⁹. Сыма Цянь узнал, например, что Фань Куай, видный сановник начала ханьской династии, был в молодости живо-

¹⁷ ШЦ, т. 5, стр. 2503.

¹⁸ ШЦ, т. 4, стр. 1947.

¹⁹ ШЦ, т. 5, стр. 2673.

дером; знаменитые генералы Сяо Хэ и Цао Шэнь начали свою карьеру тюремщиками; Чжоу Бо некогда зарабатывал на жизнь, ударяя в барабан на похоронах! Все это впоследствии было использовано Сыма Цянем при написании биографий приближенных Лю Бана. Своей яркостью и обилием фактического материала эти главы «Исторических записок» в значительной мере обязаны сведениям, полученным Сыма Цянем во время этого путешествия. Сыма Цянь проехал не менее 3—4 тыс. км, его поездка могла продолжаться, как полагают, 3—4 года.

Вскоре после возвращения Сыма Цяня в столицу перед ним открываются широкие возможности новых путешествий: он поступает на государственную службу в чине *ланчжуна*, что вводило его в число приближенных императора²⁰. Должность при дворе не накладывала на *ланчжуна* каких-либо постоянных обязанностей. Он должен был сопровождать императора как в столице, так и во всех его поездках, а также, в случае необходимости, ездить по поручению императора в дальние области страны, выполняя функции его доверенного лица. Так, в первом году под девизом юань-фэн (110 г. до н. э.) Сыма Цянь был послан во вновь присоединенные районы Ба и Шу (современная провинция Сычуань), населенные некитайскими народностями. Побывав в этих краях, Сыма Цянь смог лично ознакомиться с жизнью племен юго-западных *и*; впечатления этой поездки дали ему материал для гл. 116 «Исторических записок».

СМЕРТЬ СЫМА ТАНЯ

120—110-е годы до н. э. были отмечены крупными успехами внешней политики У-ди. В 115 г. У-ди посылает Чжан Цяня к правителю *юэцжи* для заключения союза против сюнну, намереваясь окончательно покончить с ними. В 110 г. до н. э. 18-тысячная ханьская армия вышла за Великую китайскую стену и в районе Гуйсуя нанесла сюнну тяжелый удар. Затем она повернула обратно и направилась в Шаньдун, где на

²⁰ ШЦ, т. 6, стр. 3293.

священной горе Тайшань император решил совершить жертвоприношения небу и земле. Подготовку к церемонии возглавлял Сыма Тань. Однако когда армия прибыла в Лоян, Придворный историограф внезапно заболел и не мог сопровождать У-ди дальше. В это время Сыма Цянь возвращался из поездки в Сычуань и собирался доложить о ее результатах императору. Прибыв в Лоян, Сыма Цянь нашел отца уже при смерти.

В своей автобиографии он рисует трагическую сцену прощания с умирающим отцом. «...Придворный историограф взял Цяня за руку и со слезами на глазах сказал: „Мои предки были историографами царства Чжоу. Старшие поколения моего рода прославились при Шуне и Ся... Но затем род наш захирел. Я — последний его представитель! Если ты займешь мою должность — ты продолжишь дело моих предков. Ныне император, возродив традиции тысячелетий, приносит жертвы на горе Тайшань, а я не мог последовать за ним... Это — судьба! Это — судьба! Когда я умру, ты непременно будешь Придворным историографом... Не забывай того, что я хотел написать...“ Цянь плакал, уронив голову на грудь»²¹.

Сыма Тань завещал сыну продолжить дело, начатое им, — завершить труд по истории Китая. Сыма Цянь обещал отцу выполнить его волю.

По истечении трехлетнего траура он наследовал дело отца, заняв должность Главного историографа императорского двора. Должность обеспечивала Сыма Цяню исключительно благоприятные условия для работы: ему был разрешен доступ в императорские библиотеки, к сокровищам древней литературы. Он получил в свое распоряжение ценнейшие исторические материалы из секретных хранилищ.

Занимая должность историографа, Сыма Цянь, как и его отец, должен был ведать вопросами, связанными с хранением и систематизацией архивных материалов. Таким образом, он располагал источниками, совершенно недоступными для других. Большая часть времени историографа уходила на

²¹ ШЦ, т. 6, стр. 3295.

«приведение в порядок исторических записей и книг императорских библиотек и хранилищ». Однако помимо этого по характеру своей должности он должен был систематически заниматься астрономией и календарем. Несомненно, что гл. 27 «Исторических записок» могла быть написана Сыма Цянем лишь на основе личного опыта и широких, в рамках развития науки того времени, теоретических познаний в астрономии. В этой главе дается описание звездного неба, которое специалисты считают крупной вехой в истории древнекитайской астрономии. Сыма Цянь включил в нее 98 созвездий с общим числом звезд — 360²². Систематические занятия астрономией были связаны с другим грандиозным трудом, участие в котором принимал Сыма Цянь и который был закончен через несколько лет после его вступления в должность. Речь идет о создании «Календаря Великого Начинания» (по названию периода правления, когда он был введен, — 104—101 гг. до н. э.), послужившего основой современного китайского лунного календаря. В этой работе принимало участие несколько десятков ученых, среди которых был известный астроном Тан Ду — учитель Сыма Тяня. Роль придворного историографа в этой работе была весьма значительна.

Как и раньше, Сыма Цянь использует каждую возможность для поисков новых материалов. Продолжением первых путешествий Сыма Цяня по стране была поездка в составе императорской свиты на гору Тайшань и к морю (в год смерти Сыма Тяня). Так Сыма Цянь во второй раз побывал в Шаньдуне. На обратном пути он проезжал мимо Великой китайской стены. Величайшее сооружение, поглотившее огромную массу человеческого труда и десятки тысяч жизней, произвело на историка неизгладимое впечатление. «Я... возвращался в столицу по прямому тракту и видел пограничные башни Великой стены, построенной циньским генералом Мэн Тянем. Срывали горы, засыпали ложбины — прокладывали прямой тракт. Как дешево ценили труд простого на-

²² Цянь Вэй-чан, *Научные открытия...*, стр. 33—34.

рода!» — восклицает Сыма Цянь²³. И после этого Сыма Цянь неоднократно покидал столицу. Он принимал участие в ирригационных работах на Хуанхэ; побывал на территории современных провинций Ганьсу, Шаньси, Хубэй. Позднее Сыма Цянь писал: «На западе я доезжал до Кунтуна, на севере переходил через Чжолу, на востоке доходил до моря, на юге плавал по Янцзы и Хуайхэ»²⁴.

В 104 г. до н. э. Сыма Цянь завершает работу по систематизации материала и приступает к написанию «Исторических записок».

«ДЕЛО ЛИ ЛИНА»

Тем временем разыгрывались события, изменившие всю последующую жизнь историка. «Дело Ли Лина», та роль, которую сыграл в нем Сыма Цянь, и его дальнейшая участь не были, конечно, лишь трагическим стечением обстоятельств. Письмо Сыма Цяня к Жэнь Шао-цину²⁵ позволяет восстановить картину борьбы при дворе У-ди, достигшей своего апогея в 99 г. «О, что еще сказать? О, что еще сказать? Да кроме этого всего, о самом деле рассказать с начала все и до конца, ах, нелегко все выяснить как есть!» — пишет Сыма Цянь. «...Я смолоду уже все проморгал свои неудержимые таланты. Когда же вырос я, то также я не знал похвальных отзывов моих односельчан. Владыка-царь, по счастью для меня и ради моего покойного отца, дал мне возможность исполнять мои нехитрые дела, входить всегда и выходить в дворцовых кулуарах. Вот я и рассудил тогда, что тому, кто держит таз на голове, зачем смотреть на небо вверх? И вслед за этим прекратил свои знакомства и прием гостей, дела по дому запустил. Стал днем и ночью думать лишь о том, чтоб исчерпать усилия своих совсем никчемных дарований, сосредоточив мысль свою на том единственно одном лишь побуждении, чтобы снискать себе фавор у государя нашего ца-

²³ ШЦ, т. 5, стр. 2570.

²⁴ ШЦ, т. 1, стр. 46.

²⁵ ХШБЧ, т. 6, стр. 4262.

ря»²⁶. Но сама жизнь порождала противоречия, разрешить которые Сыма Цянь был не в силах. Постепенно он убеждался, что и «Сын неба» обладает недостатками смертных; он видел ничтожность сильных мира сего, пробравшихся к кормилу власти «подобно мухам на хвосте лошади».

«Отец мой заслуг не имел, отмечаемых грамотой царской... История звездных фигур и звездных расчетов для календаря так близка ведь к разным гаданьям, заклетьям и прочему! Понятно, что с людьми такими лишь забавляется владыка-государь, содержит их он как актеров и веселых дев; они в презрени даже у самых пошлых»²⁷. «Самые пошлые» — это окружение императора, его приближение, в среду которых попал историк. Но придворная атмосфера всегда оставалась чуждой ему. Недаром так часто говорит Сыма Цянь о «посредственностях, которым недоступно понимание высоких человеческих чувств». Этот антагонизм и явился в конечном счете первопричиной трагедии.

В 99 г. один из китайских генералов, Ли Лин, был послан с небольшим отрядом против сюнну. Имея в своем распоряжении всего лишь 5 тысяч пеших воинов, Ли Лин все же сумел достичь ставки вождя сюнну — *шаньюя*. Ему удалось потеснить сюнну, но обещанное подкрепление не подходило, а тем временем вызванная *шаньюем* конница начала окружение отряда. Стрелы и провиант были на исходе; воины устали от непрерывных 10-дневных боев; число убитых и раненых непрерывно росло. Подкрепление так и не подошло. Несмотря на героическое сопротивление, отряд был частично уничтожен, частично пленен. В плен к сюнну попал и генерал Ли Лин.

Сначала Ли Лин посылал в столицу победные реляции, и высокие сановники ханьского двора наперебой поднимали чаши, поздравляя императора с успехом. Но вот через несколько дней пришло известие о поражении Ли Лина. Им-

²⁶ Сыма Цянь, *Ответ Жэнь Шао-цину*, — цит. по: «Китайская классическая проза...», стр. 84—85.

²⁷ Там же, стр. 89.

ператор, услышав об этом, потерял аппетит и не выходил из своих покоев. Перепуганные сановники не знали, что предпринять. Сыма Цянь хорошо знал Ли Лина и не мог поэтому остаться в стороне от разворачивающихся событий. «Начну с того, что я с Ли Лином в одном и том же учреждении пребывал. Мы никогда с ним не могли жить так, как полагается друзьям; у нас с ним были разные пути: что брал один, то отвергал другой. Мы никогда с ним вместе не держали у губ своих за чаркой чарку и никогда мы не сближались в той неизбывной радости друзей, что создается искренне и прямо. Но тем не менее его я наблюдал, и видел я, что этот человек — муж удивительный на редкость из тех, кто соблюдать себя умеют хорошо. Он родителям служил благоговейно; он был честен с теми, с кем служил; прикасаясь к деньгам, он был умерен; брал, давал всегда по совести своей. При разнице лет, положений он был донельзя уступчив. Он с низшими сдержанным был и вежливым очень. Он только о том и мечтал, чтобы ринуться в бой беззаветно и жизнь всю отдать за дело большое отчизны... И что же? Чины при дворе, за целостность особы своей стоящие крепко и жизнь обеспечить жене и детям норовя, сейчас же его недостатки, как на дрожжах, раздули...»²⁸. Действительно, приближенные императора, напуганные тем, что гнев Сына неба может обратиться против них, поспешили очернить Ли Лина, обвиняя его в предательстве. Лишь Сыма Цянь нашел в себе силы, чтобы поступить так, как диктовала ему его совесть.

«И вот так однажды случилось, что был во дворец я вызван к допросу, и я в этом смысле построил всю речь о заслугах Ли Лина. Хотел я всем этим расширить как мог кругозор царя-государя, конец положить речам тех белками сверкающих злобно людей. Но выяснить все до конца мне так и не удалось»²⁹. Сыма Цянь был обвинен в намерении ввести императора в заблуждение и приговорен к позорному наказанию — кастрации.

²⁸ Там же, стр. 85—86.

²⁹ Там же, стр. 88.

С содроганием вспоминает историк время, проведенное в тюрьме.

«И вот я, представьте, сижу со связанными руками, ногами, с колодкой, веревкой на шее и с голою кожей, ничем не прикрытый, палками бьют меня, прутьями хлещут; я заперт среди стен, что повсюду вокруг»³⁰. В тюрьме завершился перелом, назревавший в сознании историка. Завещанные отцом «Исторические записки» отныне представлялись ему единственной возможностью высказать все, что накопилось у него на душе. Не случайно Сыма Цянь заметил, что все выдающиеся творения прошлого были написаны мудрецами «в пылу гнева». Он сравнивал себя с Цюю Юанем, написавшим в изгнании «Скорбь Отлученного», с Цзо Цюмином, создавшим *Го юй* после того, как он был ослеплен, с Сунь-цзы, изложившим основы военного искусства после того, как он был искалечен. «Все эти люди в душе имели скопление чувств и грустных дум о том, что им не удавалось свой путь продвинуть пред людьми. Поэтому они нам говорят о днях былых и думают о тех, что будут впредь еще»³¹.

О последних годах жизни Сыма Цяня почти ничего не известно. Бань Гу сообщает, что после освобождения из тюрьмы³² Сыма Цянь был назначен на должность хранителя императорской печати³³; но эта «почетная должность» была для Сыма Цяня лишь постоянным напоминанием о перенесенном им унижении (по обычаю хранителем печати императора мог быть только евнух). «Когда сижу я у себя, я в забытии каком-то отдаленном, как будто что-то потерял. Когда ж за двери выхожу, то сам, куда иду, не знаю. Когда я вспоминаю о позоре, пот на спине сейчас же выступает, одежда вся моя сыреет... Поэтому я временно иду вслед за толпой, с которой вместе я всплываю или ныряю, и вместе с миром всем

³⁰ Там же, стр. 91.

³¹ Там же, стр. 106.

³² Это произошло, по всей вероятности, в 96 г., когда У-ди объявил всеобщую амнистию.

³³ ХШБЧ, т. 6, стр. 4258.

то вверх иду, то вниз, чтобы заблужденья мира разделять»³⁴, — пишет Сыма Цянь.

Некоторые ученые считают, что Сыма Цянь умер вскоре после того, как им было написано это письмо. Точную дату смерти историка установить не удалось.

ПОДЛИННОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ТЕКСТА ШИ ЦЗИ

Удалось ли Сыма Цяню завершить работу над «Историческими записками»? Многие средневековые ученые, отвечавшие на этот вопрос отрицательно, основывались на свидетельстве Бань Гу о том, что в его время (I в. до н. э.) в «Исторических записках» недоставало десяти глав. Комментатор Чжан Янь высказал предположение, что эти десять глав были утеряны после смерти Сыма Цяня, но убедительных доказательств этого не привел. Многие современные ученые решительно выступают в защиту того мнения, что «Исторические записки» были завершены Сыма Цянем. Чжэн Хао-шэн, например, ссылается на заключительные строки «Автобиографии» Сыма Цяня: «Я изложил историю, начиная от Хуанди и кончая периодом *тай-чу*, в ста тридцати главах». «Автобиография» представляет собой, таким образом, послесловие к «Историческим запискам», а древние авторы писали послесловие, как правило, уже после того, как весь труд в целом был закончен³⁵. Указывают также на то, что количество иероглифов в сочинении Сыма Цяня было им самим подсчитано и зафиксировано в «Автобиографии»³⁶.

Согласно комментарию Чжан Яня, к числу утерянных глав относятся следующие: 1. «Основные записи [о деяниях] Цзин-ди» (гл. 11); 2. «Основные записи [о деяниях] У-ди» (гл. 12); 3. Хронологическая таблица военачальников, министров и заслуженных чиновников с начала правления ханьской династии» (гл. 22); 4. «Трактат о ритуалах» (гл. 23); 5. «Трактат о музыке» (гл. 24); 6. «Трактат о военном искусстве» (гл. 25); 7. «История наследственных домов трех

³⁴ «Китайская классическая проза», стр. 96—97.

³⁵ Чжэн Хао-шэн, *Исследование «Ши цзи» и «Хань шу»*, стр. 29.

³⁶ Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 151.

ванов» (гл. 60); 8. «Жизнеописание Фу Куаня» (гл. 98); 9. «Жизнеописания гадателей» (гл. 127); 10. «Жизнеописания предсказателей судьбы» (гл. 128).

Однако вопрос об истинности таких утверждений остается открытым, и многие исследователи не берут на себя смелость делать на их основании какие-либо выводы³⁷. Так или иначе, но уже в то время, когда Чжан Янь писал свой комментарий к «Хань шу» (3 в. н. э.), в тексте «Исторических записок» были все 130 глав. Чжан Янь объясняет это тем, что в период правления императоров Юань-ди и Чэн-ди (48—7 гг. до н. э.) отсутствовавшие главы были восполнены неким Чу Шао-сунем. В связи с этим возникает вопрос о подлинности современного текста «Исторических записок» — одна из сложнейших проблем изучения наследия Сыма Цяня.

ИСТОРИЯ РУКОПИСИ

При рассмотрении проблемы аутентичности десяти утраченных (или недописанных Сыма Цянем?) глав нельзя не учитывать обстоятельств, при которых «Исторические записки» впервые увидели свет. Принято считать, что это произошло в период правления императора Сюань-ди (73—49 гг. до н. э.), когда внук Сыма Цяня, Ян Хуй, обнаружил рукопись своего деда³⁸. Между тем одна из глав «Исторических записок» цитируется (устаами сановника Сан Хун-яна) уже в книге Хуань Куаня «Рассуждения о соли и железе», составленной около 81 г. до н. э., т. е. еще до того, как сочинение Сыма Цяня было найдено Ян Хуем³⁹. Объяснение этому следует, по всей вероятности, искать в том, что Сыма Цянь подготовил два экземпляра своей книги: «...спрятал [один из них] на горе знаменитой, в столице — второй экземпляр»⁴⁰.

Мнения комментаторов относительно того, как понимать эти слова Сыма Цяня, расходятся. Сыма Чжэн считает, что

³⁷ В. Watson, *Ssu-ma Ch'ien Grand Historian of China*, стр. 214.

³⁸ ХШБЧ, т. 6, стр. 4271.

³⁹ Впервые это было отмечено Сигэдзава Тосиро. См. «Исследования идеологии в эпохи Чжоу и Хань», стр. 309.

⁴⁰ ШЦ, т. 6, стр. 3320.

под «знаменитой горой» автор имел в виду императорскую библиотеку⁴¹. Янь Ши-гу (581—645), напротив, понимает эту фразу в том смысле, что основной экземпляр «Исторических записок» был спрятан где-то в надежном месте, не имеющем отношения к официальным учреждениям. По-видимому, именно этот экземпляр был найден и размножен Ян Хуем. Сан Хун-ян, а затем Бань Гу благодаря своему положению при дворе получили доступ к экземпляру, спрятанному «в столице» — т. е. в столичном архиве. Императорская библиотека и архивы сильно пострадали после свержения Ван Мана и занятия столицы повстанцами. Это обстоятельство и могло явиться причиной утраты ряда глав «Исторических записок». По-видимому, именно в этом экземпляре текста «Исторических записок», хранившемся в императорской библиотеке, утраченные главы были дополнены интерполятором. Но основной экземпляр, обнаруженный Ян Хуем и хранившийся в частном собрании, мог сохраниться в целостности. Возможно, что именно этот экземпляр текста получил распространение не только в столице, но и в провинции. Во время раскопок ханьской крепости в Лобноре среди документов, датируемых второй половиной I в. до н. э., была найдена табличка с отрывком из 110 гл. «Исторических записок»; находка части текста 126 гл. имела место в Дуньхуане⁴². Трудно предположить, что эти главы были переписаны с единственного экземпляра, хранившегося в императорском архиве. Поэтому вполне возможно, что дошедший до нас текст «Исторических записок» имеет в своей основе экземпляр, в котором сохранялись все 130 оригинальных глав Сыма Цяня.

Таким образом, одного свидетельства Чжан Яня, по-видимому, недостаточно, чтобы отказать в достоверности 10 перечисленным им главам. Тем не менее можно считать доказанным, что «Исторические записки» действительно претерпели на протяжении столетий значительные текстологические из-

⁴¹ ШЦ, т. 6, стр. 3321.

⁴² Хуан Вэнь-би, *Записки об археологических изысканиях...*, стр. 211—212.

менения. Вероятно, уже Ян Хуй внес некоторые коррективы в рукопись Сыма Цяня. Во всяком случае, Бань Гу говорит о том, что Ян Хуй не просто переписал, а «изложил» сочинение своего деда. Если это так, Ян Хуй должен быть признан первым интерполятором *Ши цзи*, но он не был, к сожалению, последним.

ПОЗДНЕЙШИЕ ИНТЕРПОЛЯЦИИ

Современные исследователи насчитывают до 20 интерполяторов «Исторических записок»⁴³.

Больше других нам известно о некоем Чу Шао-суне (48—7 гг. до н. э.), которому приписывается «заслуга» восполнения лакун в тексте «Исторических записок»⁴⁴. Определенный свет на характер деятельности Чу Шао-суня проливают его замечания к 70-й главе. «Удостоившись чести сдать экзамен и получить чин *шила*, — пишет Чу Шао-сунь, — я любил читать биографию Придворного историографа. В биографии говорится, что „Сочинения [изложенные в] „Истории наследственных домов трех ванов“ заслуживают прочтения“. Я стал искать эту „Историю наследственных домов“, но так и не смог найти ее. Тогда, разыскав у стариков — любителей истории их жалованные грамоты, я систематизировал содержащиеся в них факты и составил биографию»⁴⁵.

Из слов Чу Шао-суня следует, во-первых, что уже в его время 70-я глава была утрачена; во-вторых, восполнив лакуну, Чу Шао-сунь не приписал плоды своего творчества Сыма Цяню, а поставил под ними свою собственную подпись. Таким образом, интерполяции Чу Шао-суня носят «легальный» характер, в тексте «Исторических записок» они выделяются вводной формулой: «Учитель Чу сказал...».

Иной характер носили «Продолжения» «Исторических за-

⁴³ Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 201.

⁴⁴ Чжан Янь утверждал, что Чу Шао-сунем были заново написаны четыре главы: 12, 60, 127 и 128; комментатор Чжан Шоу-цзе считал Чу Шао-суня автором всех 10 утраченных глав (ШЦ, т. 6, стр. 7223).

⁴⁵ ШЦ, т. 4, стр. 2114.

писок», составление которых получило широкое распространение в конце I в. до н. э. В *Хань шу* упоминается, в частности, «Продолжение к книге Придворного историографа, составленное Фэн Шаном, в 7 главах». Из комментария следует, что Фэн Шан написал это «Продолжение» во исполнение императорского указа. Если книга Фэн Шана была самостоятельным сочинением, лишь тематически связанным с «Историческими записками», то некоторые современники Фэн Шана, также составлявшие «Продолжения» отдельных глав «Исторических записок», присоединяли их непосредственно к первоначальному тексту Сыма Цяня без указания авторства.

Особое место среди интерполяторов конца I в. до н. э.—начала I в. н. э. занимает Лю Синь. По версии, выдвинутой Кан Ю-вэем и развитой впоследствии Цуй Ши, Лян Ци-чао, Ли Куй-яо и другими, Лю Синь подверг переработке текст «Исторических записок» и некоторых других сочинений, стремясь опереться на них для оправдания узурпации власти Ван Маном. Ряд современных ученых не согласны с этой гипотезой, однако вопрос о роли Лю Синя в редактировании «Исторических записок» заслуживает пристального внимания. Во всяком случае, сам Ван Ман проявлял к «Запискам» большой и, видимо, отнюдь не бескорыстный интерес: он, в частности, разыскал потомков Сыма Цяня и особым указом пожаловал одному из них почетный титул⁴⁶.

Одним из важнейших этапов в истории рукописи Сыма Цяня следует считать 70—80-е годы н. э., когда Ян Чжун по поручению императора Чжан-ди произвел изъятия из текста «Исторических записок», сократив текст с 526 500 до 100 000 иероглифов, т. е. примерно на $\frac{6}{10}$ ⁴⁷. Как показано Ли Куй-яо, в начале Поздней ханьской династии практика составления сокращенных вариантов исторических сочинений приобрела значительное распространение. Ян Чжун сократил *Ши цзи*, уже подвергавшиеся до этого интерполяциям; в результате

⁴⁶ ХШБЧ, т. 6, стр. 4271—4272.

⁴⁷ Ли Куй-яо, *Решение спорных вопросов в изучении «Ши цзи»*, стр. 1181—1191.

разновременные наслоения в тексте были в значительной степени перемешаны, что еще более затрудняет работу по установлению аутентичности современного текста «Исторических записок».

КРИТЕРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ ТЕКСТА

В настоящее время не представляется возможным надежно выделить в тексте *Ши цзи* включения, не принадлежащие кисти Сыма Цяня. Объясняется это недостатками имеющих в распоряжении ученых критериев подлинности текста. Для применения основного из них — хронологического — необходимо прежде всего установить дату, до которой Сыма Цянь довел свое повествование. На этот счет существует несколько противоречивых свидетельств:

1) Сыма Цянь в «Автобиографии» пишет о том, что он «изложил историю, начиная от Хуан-ди и кончая [периодом] *тай-чу*» (т. е. 104—101 гг. до н. э.)⁴⁸;

2) в другом месте той же «Автобиографии» говорится, что Сыма Цянь «описал [события] от Тао-тана до цилиня»⁴⁹. Некоторые комментаторы и позднейшие исследователи полагают, что в этой фразе содержится указание на поимку белого единорога («цилия») во время поездки У-ди в Юн зимой 122 г.⁵⁰ Однако существует иная трактовка этого свидетельства: «довести изложение до цилиня» может означать завершение повествования в 95 г. до н. э., когда по приказу У-ди была отлита бронзовая статуя в виде ноги цилиня⁵¹;

3) Бань Гу в «Биографии Сыма Цяня» говорит: «Придворный историограф изложил [факты, содержащиеся] в *Чу Хань чунь-цю*, и присоединил к ним последующие события вплоть до *Да-Хань*»⁵². По мнению некоторых авторов, это

⁴⁸ ШЦ, т. 6, стр. 3321.

⁴⁹ Там же, стр. 3300.

⁵⁰ Так понимал эту фразу Чжан Янь (ШЦ, т. 6, стр. 3301).

⁵¹ Версия комментатора Фу Цяня (ШЦ, т. 6, стр. 3300).

⁵² ХШБЧ, т. 6, стр. 4272.

сочетание следует читать Тянь-Хань — период правления У-ди (100—97 гг. до н. э.)⁵³;

4) Чу Шао-сунь в своем добавлении к гл. 20 «Исторических записок» отмечает: «Сочинение Придворного историографа завершается концом [правления] У-ди» (т. е. 87 г. до н. э.)⁵⁴.

Какая же из этих версий соответствует истине? Что касается свидетельства Бань Гу, то оно (если, следуя за Ян Шу-да, понимать выражение *да-хань* как обозначение эры *тянь-хань*) противоречит не только утверждению самого Сыма Цяня, но и словам авторов *Хань шу*⁵⁵. По-видимому, прав Чжу Дун-жунь, объясняющий сочетание «Да-Хань» (или «Тянь-Хань») в смысле «Великая Ханьская династия» или «Небесная Ханьская династия», т. е. как обозначение всей династии Хань в целом⁵⁶. В этом значении выражение Тянь-Хань нередко употреблялось ханьскими авторами, и в том числе самим Бань Гу⁵⁷. При таком толковании текста «Биографии Сыма Цяня» в нем невозможно отыскать точное указание на хронологический предел повествования в *Ши цзи*. Бань Гу говорит лишь о том, что Сыма Цянь в своем изложении захватывает события времен ханьской династии.

Однако чем объясняется само противоречие в датах, приводимых Сыма Цянем? Многие исследователи уклонялись от прямого ответа на этот вопрос и ограничивались доказательствами в пользу достоверности одной из этих двух дат. Разрешить противоречие впервые попытался Ли Куй-яо. По его мнению, приводя первую дату (период *тай-чу*), Сыма Цянь говорит о том, до какого времени доведено в «Исторических

⁵³ Ян Шу-да, *Заметки о «Хань шу»*, стр. 376. К мнению Яна присоединился Ю. Л. Кроль в статье «Критическая работа Сыма Цяня над текстом „Весны и осени княжеств Чу и Хань“ Лу Цзя», стр. 138.

⁵⁴ ШЦ, т. 3, стр. 1059.

⁵⁵ В «Биографии Ян Сюна» Бань Гу говорит: «Придворный историограф описал [историю] шести царств, изложил [события] Чу и Хань, доведя [повествование] до цилиня».

⁵⁶ Чжу Дун-жунь, *Исследование ...Ши цзи...*, стр. 1—2.

⁵⁷ В частности, выражение Да-Хань употреблено в этом смысле в «Биографии Ян Сюна», — ХШБЧ, т. 8, стр. 5115.

записках» изложение событий, а во фразе о цилине речь идет о том, когда было закончено составление «Исторических записок»⁵⁸. Несмотря на всю заманчивость такой трактовки, она не может быть принята. Ли Куй-яо, упоминая о цилине, имеет в виду отливку статуи в 95 г. до н. э.; однако, как следует из письма Сыма Цяня к Жэнь Шао-цину, во всяком случае в 93 г. до н. э. «Исторические записки» еще не были закончены.

Чжу Дун-жунь дает иное толкование приведенным данным. По его мнению, сам Сыма Цянь рассматривал 122—104 гг. до н. э. как период утверждения могущества ханьской династии, выразившегося в «обнаружении добрых предзнаменований, совершении жертвоприношений Земле и Небу, реформе календаря и изменении цвета одежды»⁵⁹. Этот период начался в 122 г. (первый год *юань-шоу*), когда был пойман цилинь, воплощавший в себе небесное знамение; закончился — в 104 г. (первый год *тай-чу*), когда был реформирован календарь. Рассматривая весь этот период как единое целое, Сыма Цянь завершает его в одном месте начальной датой (цилинь), в другом — конечной (*тай-чу*)⁶⁰. Таким образом, события, относящиеся к более позднему времени, нежели 104 г. до н. э., следует считать позднейшей интерполяцией (подобные события упоминаются в гл. 18, 19, 20, 28, 54, 58, 60, 93, 103, 104, 109, 110, 111 и некоторых других).

Изучая вопрос об интерполяциях в тексте *Ши-цзи*, следует иметь в виду следующее.

Сыма Цянь начал писать «Исторические записки» в первом году *тай-чу* (104 г. до н. э.) — та самая дата, до которой, по его словам, было доведено в *Ши цзи* изложение событий. Видимо, закончив к 104 г. сбор материалов, Сыма Цянь сознательно ограничил себя этим хронологическим рубежом. Однако в ряде случаев он был вынужден сделать незначительные отступления от этого основного принципа. Чэн Цзинь-цао убедительно показывает это на примере гл. 18—20

⁵⁸ Ли Куй-яо, *Решение спорных вопросов...*, стр. 1191.

⁵⁹ ШЦ, т. 6, стр. 3299.

⁶⁰ Чжу Дун-жунь, *Исследование...*, стр. 7.

«Исторических записок»⁶¹. История большинства наследственных владений, розданных основателем ханьской династии, закончилась в начале правления У-ди: «Больше ста человек из числа заслуженных подданных,— пишет Сыма Цянь,— получили наследственные пожалования после воцарения Хань... За сто лет, вплоть до [периода правления] тай-чу, осталось [лишь] 5 хоу»⁶². Как должен был поступить историк в данном случае? Прервать изложение истории на периоде тай-чу или, нарушая самим им установленное правило, продолжать записки вплоть до момента ликвидации последних пожалований? Вполне вероятно, что в «Хронологических таблицах», посвященных наследственным пожалованиям (гл. 18, 19, 20), Сыма Цянь мог сделать отступление от правила и выйти за рубеж 104 г. до н. э., чтобы не разрывать единую ткань повествования. Нельзя поэтому согласиться с Цуй Ши, который, определив хронологические рамки повествования *Ши цзи*, объявлял неаутентичным все, что выходило из этих рамок, без каких-либо исключений⁶³. С другой стороны, применение хронологического критерия нельзя сводить к удалению из текста «Исторических записок» явных анахронизмов.

В действительности проблема оказывается более сложной. Многие ученые отмечали многочисленные текстуальные совпадения некоторых глав «Исторических записок» Сыма Цяня и Хань шу Бань Гу. Однако, как правило, объясняли это тем, что при составлении Хань шу Бань Гу использовал материалы «Исторических записок». Однако Ли Куй-яо, специально изучивший вопрос о сокращении «Исторических записок» Ян Чжуном, выдвинул гипотезу, проливающую дополнительный свет на причины совпадений текста в сочинениях Сыма Цяня и Бань Гу. Составитель Хань шу нигде не упоминает о деятельности Ян Чжуна по сокращению *Ши цзи*, текст *Ши цзи* был им использован до того, как подвергся сокращению. Между тем уже в *Цзинь шу* (сост. в VII в. н. э.) снова гово-

⁶¹ Чэн Цзинь-цао, *Четыре исследования о датах рождения и смерти Сыма Цяня*, — в сб. «Сыма Цянь и *Ши цзи*», стр. 184.

⁶² ШЦ, т. 2, стр. 878.

⁶³ Цуй Ши, *Ши цзи тань юань*, гл. 1, стр. 11—12.

рится о книге Сыма Цяня, насчитывающей 500 тысяч иероглифов. Очевидно, что еще в III—V вв. н. э. сокращенный текст «Исторических записок» был реконструирован на основе *Хань шу* и прежний объем его был восстановлен.

Это еще более осложняет вопрос. Известно, что многие исторические факты подчас получали у Сыма Цяня и Бань Гу диаметрально противоположные оценки. Поэтому следует быть осторожным, привлекая для характеристики исторического метода Сыма Цяня те главы его труда, в которых встречаются анахронизмы; их наличие может быть истолковано как свидетельство заимствования всей главы или какой-либо ее части из *Хань шу*.

Следует остановиться также на другом критерии подлинности *Ши цзи*, связанном с одним из специфических явлений китайской политической жизни и традиций. Вплоть до революции 1911 г. в Китае запрещалось упоминание имен императоров царствующей династии, а также имен родителей пишущего, особо уважаемых лиц и т. д. Этот обычай, восходящий к чжоуской эпохе, окончательно оформился уже в ханьское время. Табуирование имен внесло немало путаницы в исторические сочинения; в то же время оно было использовано учеными для установления подлинности текстов, их эпохи и т. д.⁶⁴ В ханьскую эпоху табу осуществлялось одним из двух способов:

1. Замена иероглифа его синонимом. Так, в тексте древних классиков, высеченных на каменных плитах в ханьскую эпоху, иероглифы *бан* всюду были заменены на *го*, так как основателя ханьской династии звали Лю Бан;

2. Опускание иероглифа. В гл. 10 «Исторических записок» есть такая фраза: «Старшим из сыновей был „такой-то“, его и предложили объявить наследником». «Такой-то» (*Моу*) заменяет здесь имя императора Цзин-ди. Иногда же вместо имени императора просто делали пропуск.

Приведенные примеры⁶⁵ показывают, что соблюдение в

⁶⁴ Чэнь Юань, *Примеры табуирования имен в исторических сочинениях*, стр. 1.

⁶⁵ Они заимствованы нами из работы Чэнь Юаня, стр. 2 и 4.

«Исторических записках» табу по отношению к именам императоров не подлежит сомнению. Но для Сыма Цяня табу было и имя его отца — Тань. И действительно, в ряде глав «Исторических записок» этот иероглиф заменен другим. Так, в гл. 125 читаем: «Из числа фаворитов при императоре Сяо Вэнь-ди среди чиновников следует упомянуть Дэн Туна, среди евнухов — Чжао Туна». Комментарий Сыма Чжэна поясняет: «В *Хань шу* написано: „Чжао Тань“. Здесь говорится Тун для того, чтобы избежать упоминания имени отца Придворного историографа»⁶⁶. Аналогичные примеры, на которые неоднократно обращали внимание многие авторы, обнаруживаются в гл. 18, 21, 43, 76, 100, 101, 125. В письме к Жэнь Шао-цину Сыма Цянь, упоминая о евнухе Чжао Тане, также заменяет иероглиф в его имени⁶⁷. Таким образом, вне зависимости от того, стало ли табуирование имени предка в ханьскую эпоху всеобщим правилом или нет, очевидно, что Сыма Цянь достаточно строго соблюдал это правило. В то же время внимание исследователей давно привлек тот факт, что в ряде глав «Исторических записок» иероглиф *тань* остался незамененным. Д. Бодде заинтересовался этим вопросом в связи с исследованием биографии Ли Сы (гл. 87 «Исторических записок»), где упоминается о некоем Хань Тане⁶⁸. Он установил, что табу нарушено помимо этого в пяти главах *Ши цзи*. «Изучая эти пять глав,— пишет Бодде,— я был поражен тем фактом, что каждая из них содержит моменты, указывающие (помимо связи со словом *тань*) на эти главы или по крайней мере на их части как не принадлежащие Сыма Цяню»⁶⁹.

1. Глава 39 (знак *тань* встречается в имени Хуй-бо Тань)⁷⁰ содержит факты, расходящиеся с данными летописи *Цзо чжуань*, которую в качестве одного из источников использовал Сыма Цянь.

⁶⁶ ШЦ, т. 6, стр. 3192.

⁶⁷ ХШБЧ, т. 6, стр. 4261.

⁶⁸ ШЦ, т. 5, стр. 2563.

⁶⁹ D. Bodde, *China's First Unifier*, стр. 103.

⁷⁰ ШЦ, т. 4, стр. 1682.

2. Глава 74 — «Жизнеописание Мэн-цзы и Сюнь-цзы». Знак *тань* встречается здесь в прозвище Цзоу Яня⁷¹, жизнеописание которого не связано органически с повествованиями и, по-видимому, представляет собой позднейшую интерполяцию.

3. Глава 83 — «Жизнеописание Цзоу Яня». Здесь иероглиф *тань* зафиксирован дважды⁷². Маловероятно, чтобы Сыма Цянь располагал меньшими сведениями о Цзоу Яне, нежели автор *Хань шу*.

4. Глава 117 — «Жизнеописание Сыма Сян-жу», напротив, отличается от параллельного текста *Хань шу* большей точностью и детализацией; она оставляет такое впечатление, словно «Жизнеописание Сыма Сян-жу» в *Хань шу* было стилистически обработано и после этого включено в текст *Ши цзи*. Далее, в конце главы содержится анахронизм — упоминание имени Ян Сюна.

5. Глава 126 содержит явные ошибки в хронологии, которые вряд ли мог допустить такой внимательный ученый, как Сыма Цянь; заслуживает внимания также тот факт, что глава содержит продолжение, составленное Чу Шао-сунем⁷³.

Бодде пришел к выводу, что те главы или части глав «Исторических записок», в которых встречается знак *тань*, являются, по-видимому, позднейшими интерполяциями⁷⁴.

АВТОРСТВО ОТЦА И СЫНА

Вывод Бодде, однако, требует уточнения: несоблюдение табу на имя Сыма Тяня говорит о том, что главы, части глав или отдельные фразы, в которых употреблено имя Тянь, не были написаны Сыма Цянем. Но нельзя утверждать, что нарушение табу явилось результатом деятельности интерполятора, так как «Исторические записки» могли содержать главы, написанные отцом Сыма Цяня. Таким образом, еще одним специфическим вопросом, возникающим в связи с исследованием подлинности *Ши цзи*, является вопрос о том, в какой

⁷¹ ШЦ, т. 5, стр. 2348.

⁷² ШЦ, т. 5, стр. 2479.

⁷³ ШЦ, т. 6, стр. 3203.

⁷⁴ D. Bodde, *China's First Unifier*, стр. 111.

мере Сыма Цянь использовал материалы, подготовленные его отцом.

Когда умирающий Сыма Тань завещал сыну задуманный им труд, он сказал: «Не забывай того, что я хотел написать». Означает ли это, что он не начинал работать над «Историческими записками»? Видимо, не означает, так как на эти слова Сыма Цянь ответил: «Я прошу разрешения подробно изложить известия о былом, систематизированные вами! Я не осмелюсь допустить, чтобы они пропали»⁷⁶. Вопрос о том, насколько выполнил он свое обещание, представляет не только биографический интерес: он связан с принципиальными проблемами оценки Сыма Цяня как историка. На решение этого вопроса издавна были направлены усилия многих ученых; был выдвинут ряд критериев авторства «Исторических записок». Рассмотрим основные из этих критериев.

Говоря о должности Придворного историографа, Сыма Цянь неизменно употреблял термин *тайшигун*, хотя в ханьском табеле о рангах эта должность называлась *тайшилин*. Комментатор Пэй Инь высказал предположение, что Сыма Цянь называл своего отца *тайшигун* в знак уважения к нему, заменяя последний иероглиф в названии его должности знаком *гун*. Далее Пэй Инь добавляет: «Всюду, где упоминается *тайшигун*, Сыма Цянь излагает сочиненное его отцом»⁷⁶.

Многие западные ученые безоговорочно приняли утверждение Пэй Иня: все части «Исторических записок», которые начинаются словами «Придворный историограф сказал... (*тайшигун юе...*)», по их мнению, суть не что иное, как цитаты из сочинения Сыма Тяня.

В настоящее время необоснованность такого вывода не вызывает сомнений. Достаточно сослаться на следующую фразу из «Автобиографии» Сыма Цяня: «Семь лет спустя *тайшигун* попал в беду в связи с делом Ли Лина»⁷⁷. Ясно,

⁷⁶ ШЦ, т. 6, стр. 3295.

⁷⁶ ШЦ, т. 6, стр. 3288.

⁷⁷ ШЦ, т. 6, стр. 3300.

что тот же самый термин Сыма Цянь использовал применительно к самому себе. Таким образом, применение термина «Придворный историограф» не может служить критерием для суждения об авторстве того или иного отрывка «Исторических записок»⁷⁸.

Столь же ненадежен и другой критерий, суть которого становится ясной из следующих слов американского синолога Р. Блю: «К сожалению, наименование *тайшигун* в нынешнем варианте „Исторических записок“ не указывает, к отцу или сыну оно относится. Поэтому, определяя автора различных отрывков... мы взяли за основу философскую сущность отдельных высказываний. Отец был заметно склонен к метафизике; сына же можно назвать „реалистом“...»⁷⁹. Эта идея, исходящая из предпосылки, что мировоззрение Сыма Цянь коренным образом отличалось от взглядов его отца, получила довольно широкое распространение среди современных исследователей *Ши цзи*. При этом для определения философского кредо историка и его отца зачастую используется традиционное деление китайской классической философии на «школы».

⁷⁸ Чем же все-таки объяснить факт появления в этом термине иероглифа *гун*? На этот счет было высказано несколько точек зрения:

1. Сыма Чжэн, ссылаясь на «Новые рассуждения» Хуань Тяня, сообщал, что Сыма Цянь, закончив свою книгу, показал ее Дунфан Шо и тот сделал добавления к ней под заголовком *Тайшигун* (ШЦ, т. I, стр. 161). Однако, как было показано Т. Покогой, это свидетельство Сыма Чжэна недостоверно (Т. Покога, *The First Interpolation in the Shihchi*, стр. 311—315).

2. Комментатор Вэй Чжао утверждал: «В „Исторических записках“ [Сыма] Цянь именуется *тайшигуном*. Это было добавлено внуком Цяня, Ян Хуем» (ШЦ, т. I, ст. 461). Однако термин *тайшигун* встречается не только в *Ши цзи*, но и в письме Сыма Цяня к Жэнь Шао-цину.

3. Комментатор Юй Си говорил, что «в древности все, кто занимался астрономией, а не только [Сыма] Цянь, прибавляли к своей должности иероглиф — *гун*...» (ШЦ, т. I, стр. 47).

4. Юй Чжэн-се считал, что иероглиф *гун* в ханьское время нередко добавлялся к фамилии или названию должности и имел значение «ученый» (Юй Чжэн-се, *Черновики 1833 года*, стр. 431). Это толкование, подтверждаемое данными источников, представляется наиболее убедительным.

⁷⁹ R. C. Blue, *The Argumentation of the Shih-huo Chih*, стр. 16—17.

Однако субъективный характер этого критерия отчетливо проявляется уже в том, что исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению: к какой же именно школе следует отнести Сыма Цяня. И не случайно: Сыма Цянь стремился не замыкаться в рамках какой-то определенной школы, а высказать в «Исторических записках» «свое собственное мнение»⁸⁰. Таким образом, в вопросе о принадлежности отдельных глав *Ши цзи* Сыма Цяню или его отцу применение этого критерия требует особой осторожности.

По нашему мнению, прав Ли Чан-чжи, указывающий на необходимость параллельного использования нескольких различных критериев. Беря за основу философские идеи «Сущности шести школ» Сыма Тяня, он сопоставляет их с содержанием тех глав «Исторических записок», которые, возможно, были написаны им; однако решающее слово в выводах об авторстве текста остается за более объективными критериями, одним из которых является нарушение табу на упоминание имени Сыма Тяня. Поэтому Ли Чан-чжи считает, что такие главы, как «История наследственного дома Цзинь» (гл. 39) и «Биография Ли Сы» (гл. 87), по-видимому, написаны Сыма Танем: там не соблюдается табу на знак *тань* и, кроме того, нет следов позднейших интерполяций.

Наконец, при решении вопроса об авторстве может быть применен и хронологический критерий, хотя и в несколько ином плане, нежели при выявлении позднейших вставок. Одним из примеров тому может служить исследование гл. 86 «Исторических записок» («Жизнеописания мстителей»). Цзин Кэ, о котором идет речь в этой главе, совершил покушение на Цинь Ши-хуана в 227 г. до н. э., т. е. за 117 лет до смерти Сыма Тяня и за 62 года до рождения Сыма Цяня. В послесловии к главе автор говорит, что Ся У-цзюй, очевидец покушения, рассказал об обстоятельствах дела Гунсунь Цзи-гуну и Дун Шэну, а те «рассказали мне»⁸¹. Если Гунсунь Цзи-гун и Дун Шэн были современниками Ся У-цзюя, то Сыма Тянь

⁸⁰ Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 160.

⁸¹ ШЦ, т. 5, стр. 2538.

мог беседовать с ними, только будучи еще совсем молодым; что же касается Сыма Цяня, то он уж никак не мог встретиться и разговаривать с ними. На этом основании Ли Чан-чжи вполне обоснованно считает, что биография Цзин Кэ была написана Сыма Танем⁸².

Хронологические выкладки могут быть использованы и для доказательства «от противного»: некоторые главы не доводят повествование до времени жизни Сыма Цяня, а обрывают его раньше. Так, генеалогию потомков Лао-цзы автор излагает вплоть до Ли Цзе, который умер задолго до рождения Сыма Цяня, в период правления императора Цзин-ди⁸³.

В целом следует подчеркнуть, что поскольку текстологические исследования не могут опираться на «универсальный» научный критерий определения авторства и подлинности *Ши цзи*, постольку необходимо перекрестное использование нескольких частных критериев. Только на такой базе в дальнейшем могут быть решены сложные проблемы изучения наследия Сыма Цяня.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД СЫМА ЦЯНЯ

«Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаньями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и в верх веков считал от Сюань Юаня, и вниз дошел до нынешнего года. Составил десять я таблиц, двенадцать основных анналов; трактатов, обзрений — восемь, наследственных родов-фамилий — тридцать, отдельных монографий — семьдесят, а итого сто тридцать в общем глав. И у меня желанье есть: на этом протяженье исследовать все то, что среди неба и земли, проникнуть в сущность перемен, имевших место как сейчас, так и в дни древности далекой. Дать речь отдельного совсем авторитета...»⁸⁴.

Так определяет Сыма Цянь цели своего труда.

⁸² Ли Чан-чжи, *Сыма Цянь как человек...*, стр. 160—161.

⁸³ ШЦ, т. 5, стр. 2143.

⁸⁴ «Китайская классическая проза...», стр. 95—96.

АРХИТЕКТОНИКА «ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСОК»

В противовес хронологическому принципу, господствовавшему дотоле в китайской историографии, Сыма Цянь положил в основу «Исторических записок» совершенно иной принцип — жизнеописания исторических личностей. Для того чтобы понять, как Сыма Цяню удалось осуществить свой замысел, необходимо обратиться к архитектонике «Исторических записок», состоящих из пяти разделов:

1. «Основные записи»;
2. «Хронологические таблицы»;
3. «Трактаты»;
4. «Истории наследственных домов»;
5. «Жизнеописания».

«Основные записи» (*Бэнь цзи*) — первая по расположению и основная по замыслу часть «Исторических записок». Это — записи (*цзи*) об основном (*бэнь*), на чем строится все здание истории. Сам термин *бэнь цзи* не был впервые введен Сыма Цянем, — так назывались древнейшие исторические хроники до него, например ныне утраченные «Основные записи о деяниях Юя»⁸⁵. Однако Сыма Цянь вложил в этот термин новое содержание. Он писал: «[Я хотел] в деяниях царей уяснить причину начала и рассмотреть конец, увидеть расцвет и обозреть падение...»⁸⁶. Другими словами, Сыма Цянь пытался проследить в величии и падении династий общую линию развития истории. *Бэнь цзи* явились историческим фоном, раскрытию конкретного содержания которого должны были послужить последующие разделы «Исторических записок»⁸⁷.

«Истории наследственных домов» (*Ши цзя*) — второй биографический раздел «Исторических записок». Термин *ши цзя* в значении «наследственное владение», «дом» встречается в трактате *Мэн-цзы*, но как название одного из разделов исто-

⁸⁵ Сыма Цянь упоминает об этом сочинении в гл. 123 (ШЦ, т. 6, стр. 3179).

⁸⁶ ШЦ, т. 6, стр. 3319.

⁸⁷ Подробнее о *Бэнь цзи* см. статью Р. В. Вяткина в настоящем издании.

рического сочинения *ши цзя* впервые появляется только у Сыма Цяня⁸⁸. В «Исторических записках» *Ши цзя* — это история царств эпохи Чжоу, или биографии крупнейших представителей наследственной знати. Сыма Цянь писал: «Подобно тому, как 28 созвездий вращаются вокруг Полярной звезды, а 30 спиц составляют вместе колесо, способное двигаться бесконечно, так и ближайшие помощники правителя занимают отведенное им место, своей преданностью и добродетелями служа императору, поэтому я и написал 30 *Ши цзя*»⁸⁹. Исключение из общего правила составляют лишь гл. 47 и 48 — жизнеописания Конфуция и Чэнь Шэ, не принадлежавших к знатным наследственным домам. Чем объяснить это отступление историка от первоначальной схемы? Сыма Цянь высоко ценил роль Конфуция в истории китайской культуры, как и роль Чэнь Шэ в политических судьбах Китая накануне воцарения ханьской династии. Конфуций оставил в наследство грядущим поколениям «шесть канонов»; Чэнь Шэ был первым, кто восстал против беззаконий циньской династии⁹⁰. Поэтому, по мысли Сыма Цяня, Конфуций и Чэнь Шэ были достойны помещения в разделе «Истории наследственных домов».

«Жизнеописания» (*Ле чжуань*) — третий биографический раздел «Исторических записок». Термин *ле чжуань* единодушно признается нововведением Сыма Цяня (до него *чжуань* назывались традиционные комментарии к классическим книгам — *Цзо чжуань*, *Гулянь чжуань* и др.). *Ле чжуань* —

⁸⁸ Правда, Чжао И предполагал, что еще до Сыма Цяня существовали сочинения, носившие названия *ши цзя* (Чжао И, *Записки о 22 историях*, стр. 3). Основанием для такого вывода послужили слова самого Сыма Цяня: «Я читал *ши цзя*, где говорится...» (ШЦ, т. 4, стр. 1605). Сыма Цянь часто ссылается в своем труде на то, что «говорится в *ши цзя*... или что говорится в *бэнь цзи*...». Во всех этих случаях Сыма Цянь имел в виду отдельные главы «Исторических записок». Сомнение тут может вызвать слово «читал», словно эта книга не принадлежала ему самому. Возможно, это говорит о том, что указанные главы или их части были написаны Сыма Танем.

⁸⁹ ШЦ, т. 6, стр. 3319.

⁹⁰ ШЦ, т. 6, стр. 3310—3311.

наиболее законченное выражение «биографической» системы изложения истории, вскрывающей общую картину прошлого через частное — жизнеописания исторических деятелей.

Однако принятый в западной литературе перевод этого термина — «биографии» не вполне точно и полно отражает его содержание, так как в раздел *Ле чжуань* Сыма Цянь включает описания многих сопредельных племен и государств: Кореи, Намвьет, сюнну, юго-западных *и* и т. д.⁹¹

В разделе *Ле чжуань* мы находим жизнеописания знаменитых философов (гл. 63, 74), ученых (гл. 67, 121), поэтов (гл. 84, 117), полководцев (гл. 64, 65, 73, 88, 109, 111), «дипломатов» (гл. 69, 70), государственных деятелей (гл. 68, 79, 85, 87, 96), чиновников (гл. 119, 122) и т. д. и т. п. Подавляющее большинство этих исторических деятелей принадлежало к средним и высшим слоям общества той эпохи. Но Сыма Цянь в своих *Ле чжуань* предоставляет место и простолюдинам. В гл. 105 мы встречаем лекарей, в гл. 129 — рыночных торговцев, в гл. 127 и 128 — гадателей и предсказателей судьбы, в гл. 124 — людей без определенных профессий, прославившихся своей готовностью помочь ближнему в трудную минуту, в гл. 126 — актеров и шутов. Историк поместил их биографии в свои «Записки» потому, что эти люди представляли различные социальные слои и их биографии могли дать широкое представление об обществе в целом.

По своему характеру раздел *Ле чжуань* представляет собой огромное разнообразие форм и средств повествования. Здесь есть главы, посвященные одному лицу, и объединенные биографии нескольких лиц; жизнеописания двух равноценных героев и биографии, в которых один персонаж главный, а другой занимает второстепенное положение; в некоторых главах — два основных и несколько второстепенных героев, и т. д. В целом «монобиографий» в «Исторических записках» немного. В основе так называемых совместных биографий лежит сходство в характере деятельности или в личных качествах исторических деятелей. Особое место занимает первая

⁹¹ Это отмечено Уотсоном (B. Watson, *Ssu-ma Ch'ien...*, стр. 122).

глава раздела *Ле чжуань* — «Жизнеописание Бо И»: в ней Сыма Цянь ставит вопрос об исторической судьбе личности и ее оценке; сама биография Бо И — лишь вставной эпизод, иллюстрация основной мысли автора. Таким образом, *Ле чжуань* превращается в гибкую форму исторического повествования, которая творчески используется историком.

Бэнь цзи, *Ши цзя* и *Ле чжуань* — три основных раздела «Исторических записок», в основу которых положен биографический принцип. Но, введя в китайскую историографию жизнеописание как форму исторического повествования, Сыма Цянь не ограничился этим. Особенностью труда Сыма Цяня является сочетание различных способов изложения истории.

Так, «Основные записи» представляют собой соединение биографического и хронологического принципов изложения истории. «Хронологические таблицы» (*Бяо*) представляют собой попытку систематизации и унификации хронологии. В «Таблицах» Сыма Цянь нередко дает сравнительный анализ хронологических данных, имеющих в различных исторических документах, с целью разрешения противоречий между ними. Сыма Цянь сообщает, что мысль о необходимости составить сводные хронологические таблицы появилась у него после завершения работы над первым разделом «Исторических записок». «Когда я систематизировал их (т. е. «Основные записи»), — пишет историк, — я обнаружил, что при сопоставлении дат различных поколений возникают расхождения и неясности, поэтому я и составил десять таблиц»⁹².

Сыма Цянь был первым китайским историком, приложившим к историческому труду хронологические таблицы, и, хотя ему не удалось избежать ряда ошибок и противоречий, этот раздел «Исторических записок» и в наше время незаменим при составлении хронологических таблиц по древней истории Китая⁹³.

«Трактаты» (*Шу*) посвящены различным отраслям обще-

⁹² ШЦ, т. 6, стр. 3319.

⁹³ См.: Фань Вэнь-лань, *Древняя история Китая*, стр. 288—292.

ственной жизни, культуры, науки. В отличие от предыдущих разделов главы «Трактатов» строятся не по биографическому или хронологическому, а по тематическому принципу. Сыма Цянь писал, что в «Трактатах» он рассматривает «преобразования в ритуалах и музыке, усовершенствования в календаре, военное искусство, жертвоприношения духам гор и рек, взаимоотношения Неба и человека, ошибки [в экономической политике], унаследованные от прошлого, и всеобщие изменения [в жизни]»⁹⁴. Как попытка обобщения исторического процесса по отдельным областям жизни общества «Трактаты», введенные Сыма Цянем в историческое сочинение, были смелым новаторством в мировой историографии (ничего подобного мы не находим ни у одного историка древности). Кроме того, этот раздел «Исторических записок» является ценнейшим источником сведений, получить которые из биографий было бы невозможно. В «Трактатах» во весь рост встает фигура историка-энциклопедиста: главы этого раздела охватывают экономическую историю и теорию (обмен, деньги, налоговая политика) — в «Трактате о балансе торговли» (гл. 30), ирригацию — в «Трактате о реках и каналах» (гл. 29), астрономию — в «Трактате о небесных светилах» (гл. 27), календарь — в «Трактате о календаре» (гл. 26), музыку — в «Трактате о музыке» (гл. 24), религию — в «Трактате о жертвоприношениях» (гл. 28) и т. д.

Такова структура «Исторических записок». С современной точки зрения она, разумеется, не во всем совершенна. «Главный недостаток такой методы, очевидно, тот, что события не обозреваются в одном месте, но одна часть их является в жизнеописаниях императоров, другая — по частям в биографиях различных лиц, принимавших в них участие», — писал академик В. П. Васильев⁹⁵.

Однако если мы попытаемся оценить метод Сыма Цяня с точки зрения развития китайской историографии II—I вв. до н. э., то увидим, что Сыма Цянь отнюдь не разорвал еди-

⁹⁴ ШЦ, т. 6, стр. 3319.

⁹⁵ В. Васильев, *Материалы по истории китайской литературы*, стр. 241.

ную ткань истории на отдельные части хотя бы уже потому, что единой писаной истории тогда вообще еще не существовало. Историк не имел в своем распоряжении сводных трудов по истории Китая, их место занимали разрозненные исторические материалы, памятники, свидетельства и записи, лишенные всякой системы. Перед Сыма Цянем стояла задача обобщения и систематизации этих материалов. Ясно, что хронологический метод изложения, использовавшийся в исторических сочинениях до Сыма Цяня, не мог помочь в решении такой задачи. Крупнейший вклад Сыма Цяня в китайскую историографию состоит в том, что он создал и практически применил новый историографический метод, с помощью которого сумел привести в систему и изложить историю Китая от мифических времен до современного ему периода на основе обобщения большого количества исторических источников.

ИСТОЧНИКИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЫМА ЦЯНЕМ

Краткая характеристика источников, привлеченных Сыма Цянем при составлении «Исторических записок», была впервые дана Бань Гу. «Сыма Цянь, — пишет он, — основывался на *Цзо чжуань* и *Го юй*, использовал *Ши бэнь* и *Чжаньго цэ*, изложил события, описанные в *Чу Хань чунь-цю...*»⁹⁶. Видимо, под влиянием этого перечня Бань Гу сунский историк Чжэн Цяо бросил Сыма Цяню несправедливый упрек: «Среди исторических сочинений трех тысячелетий он ограничился привлечением семи-восьми книг! Если и есть в чем укорить Сыма Цяня, так это в недостаточности его эрудиции»⁹⁷.

Бань Гу и Чжэн Цяо основывались на непосредственных указаниях Сыма Цяня в эпилогах глав об использовании им письменных исторических источников⁹⁸. При составлении био-

⁹⁶ ХШБЧ, т. 6, стр. 4272.

⁹⁷ Чжэн Цяо, *Всеобщий свод*, т. I, стр. 1.

⁹⁸ Например: «Для изложения периода после Чэн-тана я использовал *Ши цзин* и *Шан шу*» (ШЦ, т. 1, стр. 109); «Я читал *Чунь-цю* и *Го юй*» (ШЦ, т. 1, стр. 46); «читал „Хронику Цинь“» (ШЦ, т. 2, стр. 685); «читал сочинения периода междуцарствия Цинь-Хань» (ШЦ, т. 2, стр. 759), и т. д.

графий философов, ученых, поэтов, государственных деятелей Сыма Цянь, как правило, предварительно изучал их труды и опирался на них. Однако письменные памятники такого рода в ряде случаев отнюдь не были основным, а тем более единственным источником Сыма Цяня. Он максимально использовал свое положение придворного историка, дававшее ему доступ к архивным материалам⁹⁹. Благодаря этому он имел возможность «ознакомиться с архивами *чжухоу*»¹⁰⁰, мог «читать указы о заслугах»¹⁰¹. Эти источники дали Сыма Цяню обильный фактический материал, широко использованный им в «Исторических записках».

Особенностью метода Сыма Цяня было то, что историк не ограничивался одними лишь письменными источниками, сколь бы обширны они ни были. Он постоянно стремился пополнить собранные им материалы за счет иных источников. Самые разнообразные исторические сведения получал Сыма Цянь во время своих путешествий по стране. Историк знакомился с легендами и преданиями, распространенными в различных частях страны¹⁰², он побывал на местах знаменитых битв, на развалинах разрушенных городов, где окрестные жители еще помнили их историю¹⁰³, познакомился с бытом инородческих племен Юго-Западного Китая¹⁰⁴.

Многочисленные сведения Сыма Цянь получил путем расспросов старожил, осмотра жилищ, предметов обихода — некогда принадлежавших историческим деятелям прошлого¹⁰⁵. Все эти материалы он не смог бы почерпнуть из письменных источников. Подчеркивая значение путешествий Сыма Цяня в процессе создания его труда, сунский ученый и поэт Су Чэ писал: «Великий историограф объехал всю Поднебес-

⁹⁹ На протяжении ста лет все старые записи и документы собирались (в канцелярии придворного историографа) (ШЦ, т. 6, стр. 3319).

¹⁰⁰ ШЦ, т. 3, стр. 977.

¹⁰¹ ШЦ, т. 6, стр. 3115.

¹⁰² ШЦ, т. 1, стр. 46.

¹⁰³ ШЦ, т. 4, стр. 1864; т. 5, стр. 2385.

¹⁰⁴ ШЦ, т. 6, стр. 3293.

¹⁰⁵ ШЦ, т. 4, стр. 1947; т. 5, стр. 2673.

ную, лично осматривал знаменитые горы и реки, общался с героями из княжеств Янь и Чжао. Поэтому он пишет так свободно и широко, так оригинально»¹⁰⁶.

Общение с известными современниками или с людьми, близко знавшими тех или иных деятелей, во многом облегчило Сыма Цяню задачу составления жизнеописаний. Сыма Цянь часто упоминает о том, что он встречался и беседовал с героями своих *Ле чжуань* или с их близкими родственниками и друзьями¹⁰⁷.

Сыма Цянь использовал любые дополнительные сведения, проливающие свет на события прошлого. Он, в частности, внимательно знакомился с картинами на исторические сюжеты и портретными изображениями исторических личностей. Э. Шаванн высказал мысль о том, что, например, гл. 86 («Жизнеописания мстителей») могла быть написана на основе изучения изображений, отражавших историю покушения Цзин Кэ на Цинь Ши-хуана. Эта точка зрения была поддержана Дьювендаком в более общей форме: если подобные изображения были известны Сыма Цяню, то их влияние на описание историком соответствующих событий вполне вероятно¹⁰⁸. Поскольку вопрос об авторстве гл. 86 остается спорным, то пример, приведенный Шаванном, может быть, не вполне убедителен. Однако использование Сыма Цянем такого рода данных не подлежит сомнению. В частности, в гл. 55 историк рассказывает об одном из соратников Гао-цзю, Чжан Ляне: «Судя по его личным качествам, я считал, что сам он должен быть рослым и мужественным на вид. Что же предстало моим глазам, когда я увидел его портрет?! По внешнему облику и чертам лица он был похож на очаровательную женщину!»¹⁰⁹. Излагая биографию Тянь Хэна, Сы-

¹⁰⁶ Цит. по: «Избранные места из сочинений философов классических книг и истории», т. 3, стр. 58.

¹⁰⁷ «Я видел Го Цзе» (т. 6, стр. 3189); «Я видел генерала Ли. Был он скромн, как простолоудин, и не умел красиво говорить» (т. 6, стр. 2878); «Сын Пинъюань-цзюня был в хороших отношениях со мной, что и позволило мне подробно изложить все это» (т. 5, стр. 2705), и т. д.

¹⁰⁸ Duuyvenduk, *An illustrated Account*,— «Asian Major», 1939.

¹⁰⁹ ШЦ, т. 4, стр. 2049.

ма Цянь с сожалением пишет о том, что не имел возможности увидеть, каким был Тянь Хэн в жизни. «Ведь есть же у нас прекрасные художники. Так почему никто не написал его портрета?»¹¹⁰.

Наконец, некоторые главы «Исторических записок» написаны Сыма Цянем на основе сведений, приобретенных им в процессе собственной служебной деятельности. Помимо «Трактата о небесных светилах» и «Трактата о календаре» сюда относится «Трактат о реках и каналах», написанный после того, как Сыма Цянь принял личное участие в ирригационных работах на реке Хуанхэ¹¹¹. Все эти главы не могли бы быть написаны человеком, не имевшим столь широких практических знаний, какими обладал Сыма Цянь.

Разнообразие привлеченных материалов говорит о несостоятельности точки зрения некоторых синологов, пытавшихся охарактеризовать «Исторические записки» как компиляцию. «Вся работа Сыма Цяня,— писал, например, Э. Шаванн,— заключалась лишь в подборе более ранних текстов и материалов в полной подлинной неприкосновенности их в виде общего целого, связанного хотя бы внешним образом»¹¹². Шаванн ссылается при этом на то, что «само название означает скорее компилятивную сводку: „Записки историков“, чем „Исторические записки“...». Однако Шаванн упускает из виду тот факт, что не сам Сыма Цянь назвал так свой труд. В действительности, существующее название книги Сыма Цяня произошло от сокращения его первоначального наименования [Тай] ши [гун]-цзи и впервые зафиксировано в надписи

¹¹⁰ ШЦ, т. 5, стр. 2649.

На эти слова Сыма Цяня спустя 2 тысячи лет после его смерти откликнулся известный китайский художник Сюй Бэй-хун. В 1927 г. он создал одно из лучших своих исторических полотен — «Пятьсот воинов Тянь Хэна». Картина рисует сцену прощания Тянь Хэна с друзьями, когда он решил отправиться в столицу к императору Гао-цзу и там покончить с собой. Сюй Бэй-хун создал яркий образ героя-патриота.

¹¹¹ ШЦ, т. 3, стр. 1415.

¹¹² Цит. по: Н. В. Кюнер, *Исторический очерк развития основ китайской материальной культуры*, гл. 1, стр. 141.

на стеле, датируемой 159 г. н. э.¹¹³. Малоубедительна также и ссылка Шаванна на следующие слова Сыма Цяня: «То, что я называю „изложением дел прошлого“, есть лишь систематизация преданий [минувших] поколений. Это не то, что называют сочинением»¹¹⁴. Конечно, историк собирал и использовал все материалы прошлого. Но он не просто компилировал их, а отбирал, перерабатывал, осваивал и обобщал. Так понимал, на наш взгляд, Сыма Цянь «изложение дел прошлого». В его труде нет места вымыслу, он пишет только о том, что подтверждается надежными свидетельствами. Неизменное стремление Сыма Цяня к установлению степени достоверности используемых им исторических данных характеризует его как историка-ученого, а не как «трудолюбивого чиновника», «летописца-компилятора», каким представляют его некоторые исследователи¹¹⁵.

В процессе работы над «Историческими записками» Сыма Цяню постоянно приходилось встречаться с противоречиями в показаниях источников. Особенно много неясностей встречалось в материалах, относившихся к древнейшей эпохе. Так, «в *Шан-шу*,—замечает Сыма Цянь,—записаны лишь события, начиная с Яо, а в сочинениях философов, принадлежащих к ста школам, упоминается и о Хуан-ди»¹¹⁶. Стремясь найти более достоверные данные путем сопоставления различных версий, Сыма Цянь упоминает о подходе, характерном для ученых-конфуцианцев его времени: «Сколь ни разнообразны сочинения и книги, ученые полагаются при отыскании истины на 6 канонов»¹¹⁷. Полагают, что и Сыма Цянь пользовался тем же критерием, т. е. считал достоверными все свидетельства источников, которые совпадали с данными шести конфуцианских канонических книг

¹¹³ Чэнь Чжи, *Исследование названия книги придворного историографа*,— в кн.: «Сыма Цянь и *Ши цзи*», стр. 110—111.

¹¹⁴ ШЦ, т. 6, стр. 3299—3300.

¹¹⁵ Н. Dubs, *The Land of Humanistic Scholarship*; G. Haloun, *Die Rekonstruktion der chinesischen Urgeschichte durch die Chinesen*, стр. 246, и др.

¹¹⁶ ШЦ, т. 1, стр. 46.

¹¹⁷ ШЦ, т. 5, стр. 2121.

(*Шан шу, Ши цзин, Ли цзи, Чунь-цю, И цзин, Юэ цзин*)¹¹⁸. Этот вывод, однако, нуждается в существенном уточнении. Дело в том, что официальный текст конфуцианских канонов, сожженных при Цинь Ши-хуане, был восстановлен в начале ханьской династии, записан почерком «лишу» и получил название «современного текста»¹¹⁹. Однако, несмотря на указ Цинь Ши-хуана о запрещении изучать сочинения Конфуция, некоторые из его последователей сохранили книги, переписанные еще до реформы циньской письменности, т. е. так называемые «древние тексты». Между двумя этими вариантами одного и того же сочинения имелись подчас значительные расхождения, приведшие позднее к возникновению двух враждебных школ в изучении классических книг. Во времена Сыма Цяня одним из наиболее видных ученых, преподававших «древние тексты», был Кун Ань-го; Сыма Цянь, по свидетельству Бань Гу, был его учеником¹²⁰. Поэтому, используя в своем труде данные *Шан шу, Ши цзина* и других канонических сочинений, Сыма Цянь основывался, в противовес официальной конфуцианской школе, на древних текстах. Так, в «Основных записях Инь» он приводит цитаты из *Шан шу*, которые не совпадают с «современным текстом» этой книги: они, по-видимому, были заимствованы историком из «древнего текста». В ряде глав Сыма Цянь прямо говорит об использовании им версий, отличавшихся от «современного текста» классиков.

Привлекая древние тексты «шести канонов» в качестве критерия достоверности исторических свидетельств, Сыма Цянь считал их «близкими к истине», но решающим критерием истины для него оставалось широкое сопоставление различных версий. Так, он устанавливает ошибочность утвержде-

¹¹⁸ Цзи Чжэнь-хуай, *Сыма Цянь*, стр. 77.

¹¹⁹ О том, что представлял собой в ханьское время современный текст одного из шести канонов *Ли цзи*, можно судить по подлинному экземпляру этой книги, найденному недавно в одном из захоронений ханьской эпохи в Ганьсу (см. статью «Научное значение ханьских деревянных табличек из Увэй», стр. 29—33).

¹²⁰ ХШБЧ, т. 8, стр. 5160.

ния, что столица Чжоу была перенесена в Лои во время похода против Инь, и «на основании обобщения фактов»¹²¹ приходит к выводу, что У-ван лишь ненадолго останавливался в Лои, а затем снова вернулся на запад.

Путешествие Чжан Цяня на запад значительно расширило географические представления китайцев. Наблюдения Чжан Цяня позволили историку установить ошибочность сведений, сообщаемых «Основными записями Юя» и другими древними сочинениями. «Там,— пишет Сыма Цянь,— утверждается, что Хуанхэ берет свои истоки на горе Куньлунь; Куньлунь достигает более 2500 ли в высоту; солнце и луна, сменяя друг друга, постоянно освещают ее, не давая ей погрузиться во мрак; на ней есть источник Лицюань и озеро Яочи. Ныне, после того как Чжан Цянь побывал в Дася, он осматривал истоки Хуанхэ, но нигде не видел того, что в анналах называется горой Куньлунь. Поэтому если *Шан шу* в основном верно излагает расположение гор и рек девяти областей, то о чудесах, упоминаемых в *Юй бэнь цзи* и *Шань хай цзине*, я не решаюсь говорить»¹²².

Подобных указаний на то, что Сыма Цянь отказывался от свидетельства, считая его ложным, в тексте «Исторических записок» в целом немного. Это объясняется тем, что основным принципом Сыма Цяня в использовании исторических данных было изложение фактов, которые он считал достоверными, и опущение всего, что он считал ложным. Это видно на примере работы Сыма Цяня над хронологической таблицей наследственных пожалований Гао-цзу (гл. 18): «Тщательно исследовал ход событий, включил в таблицу документы, и, хотя многое не может быть выяснено во всех деталях, я изложил достоверное и опустил сомнительное»¹²³. Поэтому установить материалы, известные историку, но отвергнутые им за их недостоверностью, можно сейчас главным образом по косвенным данным.

¹²¹ ШЦ, т. 1, стр. 170.

¹²² ШЦ, т. 6, стр. 3179.

¹²³ ШЦ, т. 2, стр. 878.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА

Сыма Цянь отдавал себе ясный отчет в том, каковы были цели его труда. Он писал историю не только для того, чтобы изложить события прошлого, но и для того, чтобы помочь людям сделать выводы из этого прошлого для их настоящей и будущей деятельности. Сам историк сравнивал себя с теми, кто «говорят о днях былых и думают о тех, что будут впредь еще». Поэтому он утверждал: «Жить в настоящее время и писать о пути древних — это для того, чтобы увидеть в нем, как в зеркале, свои достоинства и недостатки, хотя отражение это и не будет вполне точным»¹²⁴.

Много веков спустя Сыма Гуан озаглавил свой исторический труд *Цзы чжи тун-цзянь* («Зерцало всеобщее, управлению помогающее»). Это название отражает ту же самую идею и прямо перекликается с приведенным высказыванием Сыма Цяня. Такой подход к истории Сыма Цянь считал духовным наследием Конфуция. «В *Чуньцю*, — говорил он, — указывается на хорошее и порицается дурное, выдвигается добродетель трех династий и восхваляется Чжоу»¹²⁵. Основываясь на этом принципе, Сыма Цянь мечтал написать «вторую *Чуньцю*»; свой долг он видел в том, чтобы «разрешить сомнения, отличить правду от лжи... назвать добро — добром, а зло — злом»¹²⁶. И действительно, в «Исторических записках» читатель увидит, с одной стороны, довольно резкую критику императоров и знати (наряду с возданием должного тем из них, кто, по мнению историка, заслуживал этого), с другой — высокую оценку тех личностей, которых называли во времена Сыма Цяня «бандитами».

Именно поэтому суждения потомков о труде Сыма Цяня подчас прямо противоположны. Лю Сян и Ян Сюн называли историю Сыма Цяня «правдивыми записями», отмечали его исторический талант, восхваляли смелость пера, никогда «не принижавшего прекрасное и не утаившего

¹²⁴ ШЦ, т. 2, стр. 878.

¹²⁵ ШЦ, т. 6, стр. 3299.

¹²⁶ Там же, стр. 3297.

дурное»¹²⁷. Бань Гу же считал, что у Сыма Цяня «суждения об истине и лжи извращают учение Конфуция»¹²⁸. Находились и такие, кто называл «Исторические записки» «клеветническим сочинением»¹²⁹, отрицая историческую объективность Сыма Цяня.

Правда, историк сам признавал, что он писал (или, во всяком случае, заканчивал) свой труд в «пылу гнева». «Верить — и встречать недоверие, быть преданным — и оказаться оклеветанным, разве это может не вызвать ненависть?!» — говорил Сыма Цянь о Цюй Юане¹³⁰, но говорил с такой горечью потому, что его судьба была похожа на судьбу Цюй Юаня. Однако можно ли утверждать, что «гнев Сыма Цяня» и его историческая объективность взаимоисключают друг друга? Очевидно, нельзя. Об объективности Сыма Цяня свидетельствует его внимательное отношение к историческим памятникам, тщательность при сопоставлении данных, наконец, то, что многие материалы, приведенные в «Исторических записках», находят подтверждение в археологических открытиях.

Критики ссылаются на ошибки Сыма Цяня в оценке отдельных исторических явлений, в хронологии и т. д. Между тем эти ошибки, возможные в любом труде, были неизбежны при тогдашнем уровне развития науки, в условиях, когда Сыма Цяню пришлось впервые осуществить систематизацию большого количества разнообразных и часто противоречивых источников. Эти ошибки не могут служить доказательством необъективного подхода историка к описываемым фактам. Перелом, происшедший в сознании Сыма Цяня после «дела Ли Лина», его «гнев» лишь способствовали тому, что он смело и открыто говорил о вещах, о которых другой вряд ли осмелился бы говорить.

Отношение Сыма Цяня к изображаемой им исторической личности проявляется сразу уже в том, в какую из глав «Исторических записок» он помещает жизнеописание того или

¹²⁷ ХШБЧ, т. 6, стр. 4273.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Ван Чун, *Лунь-хэн с комментариями*.

¹³⁰ ШЦ, т. 5, стр. 2482.

иного человека¹³¹. Изложив биографию Сян Юя в разделе *Бэнь цзи*, историк тем самым высоко оценивает роль Сян Юя в период междуцарствия Цинь — Хань. Признанием значения деятельности Конфуция и Чэнь Шэ был сам факт помещения их биографий в раздел *Ши цзя*. В *Ле чжуань* Сыма Цянь подчас помещает биографии некоторых лиц не туда, куда их, казалось бы, следовало поместить. Так, некоторых последователей Конфуция он относит к «стяжателям» (гл. 129), и в «Жизнеописаниях учеников Конфуция» (гл. 67) их биографий нет. Сами названия ряда глав в разделе *Ле чжуань* сразу дают героям обобщенную характеристику: «Жестокие чиновники» (гл. 122), «Стяжатели» (гл. 129), «Фавориты» (гл. 125) и т. д.

Одна из специфических форм исторической критики Сыма Цяня была правильно подмечена ученым XVII в. Гу Янь-у: «Некоторые из древних авторов при написании истории не высказывали непосредственно своего суждения, но их отношение к изображаемому становилось ясным из самого повествования. Великий историограф сумел достичь этого»¹³². Гу Янь-у приводит примеры того, как отношение Сыма Цяня к событиям и людям выражено в тексте словами другого исторического лица: Бо Ши — в «Трактате о балансе торговли»¹³³, Лу Гоу-цзяня — в конце биографии Цзин Кэ¹³⁴, У-ди — в биографии Тянь Фэня¹³⁵, и т. д. Особенно отчетливо этот метод характеристики может быть прослежен в «Жизнеописании Шусунь Туна» (гл. 99). Сочетая в своем изложении факты и меткие замечания современников, Сыма Цянь рисует фигуру беспринципного приспособленца, с одинаковым успехом служившего сначала Эр Ши-хуану, а затем Гао-цзу. Автор не навязывает читателю своего мнения, и все же оно убе-

¹³¹ Цзянь Бо-цзая, *О Сыма Цяне как историке*, — в кн.: «Сборник статей по истории Китая», т. 2, стр. 61.

¹³² Хуан Жу-чэн, *Комментарий к «Записям познаваемого ежедневно»*, т. 9, гл. 26, стр. 1.

¹³³ ШЦ, т. 3, стр. 1442.

¹³⁴ ШЦ, т. 5, стр. 2538.

¹³⁵ ШЦ, т. 6, стр. 2855.

дительно выражается благодаря мастерски примененной форме изложения.

Если в тексте главы Сыма Цянь лишь излагает события и никогда не упоминает своего имени, то послесловие к каждой главе он начинает словами: «Я, Придворный историограф, скажу так...». Избегая прерывать изложение выводами, сделанными от своего собственного имени, он сообщает их читателю после того, как написал всю главу в целом. В послесловии Сыма Цянь подводит итог всему изложенному, давая оценку герою биографии (если это биографическая глава) или приведенным историческим фактам (в трактатах и таблицах). Излюбленный прием Сыма Цяня — привести изречение философа древности, а подчас и меткую народную поговорку в подтверждение высказанного суждения и завершить резюме обращением непосредственно к читателю, которому он доказывает свою мысль. В целом «если окинуть взором все эти резюме, то можно увидеть, что любил Сыма Цянь и что он ненавидел, что ценил и что презирал, что считал истинным и что — ложным»¹³⁶.

В связи с вопросом о формах исторической критики в *Ши цзи* следует остановиться на характеристике метода Сыма Цяня, данной Су Сюнем. В своем трактате «Об истории» Су Сюнь (1009—1066) анализирует влияние идей Конфуция на Сыма Цяня и Бань Гу и приходит к выводу, что оно находит выражение в четырех особенностях *Ши цзи* и *Хань шу*. Поскольку четвертая особенность имеет отношение только к *Хань шу*, метод Сыма Цяня характеризуется, по Су Сюню, тремя чертами:

1. «Соккрытие и тем не менее показ»;
2. «Правдивость и вместе с тем великодушие»;
3. «Опущение и все же характеристика»¹³⁷.

Поясняя сущность первого из этих принципов, Су Сюнь говорит, что при составлении жизнеописания какого-либо по-

¹³⁶ Цзянь Бо-цзань, *О Сыма Цяне...*, стр. 67.

¹³⁷ Су Сюнь, *Об истории*, — в кн.: «Сборник исторических трактатов», т. 2, стр. 12.

ложительного деятеля прошлого Сыма Цянь отмечал лишь его заслуги; что же касается его недостатков или ошибок, то историк умалчивал о них в данной главе, но приводил их в биографии какого-нибудь другого лица. По мнению Су Сюня, Сыма Цянь поступал так потому, что «если упомянуть одну ошибку и тем самым умалить значение десяти заслуг, то простые смертные последующих поколений непременно скажут: „Даже десять заслуг таких мудрых людей, как Лянь По, таких красноречивых, как Шэнь И-цзи, таких преданных, как Чжоу Бо, таких достойных, как Дун Чжун-шу,— и те не смогут окупить одну ошибку!“ Они сочтут путь к совершенствованию слишком трудным и перестанут стремиться к нему»¹³⁸.

Второй принцип в трактовке Су Сюня заключается в том, что, давая характеристику отрицательной личности прошлого, Сыма Цянь обращал особое внимание на то, не было ли у его героя каких-либо положительных черт или поступков, и, если таковые находились, историк неизменно упоминал о них в биографии данной личности. Он поступал так потому, что «если указать на десять недостатков и умолчать об одном положительном качестве, то злодеи последующих поколений непременно скажут: „Даже Су Цинь, Бэй-гун, Бо-цзы, Чжан Тан и жестокие чиновники сделали что-то хорошее, но историк не упомянул об этом! А на что уже надеяться нам!“ Это закрыло бы им путь к искуплению их преступлений и укрепило бы их стремление ко злу»¹³⁹.

Третий выдвинутый им принцип Су Сюнь поясняет на примере гл. 14 «Исторических записок». Хотя она носит название «Хронологической таблицы двенадцати *чжухоу*», однако включает хронологию тринадцати царств эпохи Чжоу. По мнению Су Сюня, это объясняется тем, что хотя Сыма Цянь и включил в эту главу царство У, но не счел возможным отнести его к числу *чжухоу*, так как У и Юэ были «варварами». «Если бы Сыма Цянь упомянул их в ряду *чжухоу*, то он должен был присоединить к ним также племена

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

западных жунов и сяньюнь. Поэтому он провел между ними грань и отбросил варваров, чтобы правители будущих поколений сказали: „Даже такой достойный, как Гоу-цзянь, не избежит участи быть отброшенным историей, если он не знает китайского ритуала и музыки“¹⁴⁰.

В целом, в этих рассуждениях Су Сюня, написанных в духе конфуцианства сунской эпохи, заметно стремление усмотреть между строк «Исторических записок» значительно больше, чем хотел сказать сам их автор. О концепции Су Сюня не было бы необходимости говорить столь подробно, если бы Б. Уотсон не вспомнил о Су Сюне в своей монографии, посвященной Сыма Цяню. Уотсон считает, что первые два принципа, сформулированные Су Сюнем, «должны быть учтены» при характеристике исторического метода Сыма Цяня. Разобрав приведенные Су Сюнем примеры, Уотсон пишет далее, что наиболее ярким примером систематизации материала в духе этих принципов являются биографии двух претендентов на власть после падения циньской династии: Сян Юя и Гао-цзу (гл. 7 и 8); «Недостатки каждого из них упоминаются лишь в главе, посвященной его сопернику, тогда как в его собственной главе он представлен в наиболее благоприятном свете»¹⁴¹. На определении этого принципа вновь останавливается Ю. Л. Кроль¹⁴².

Нам, однако, представляется, что при распределении материала по главам Сыма Цянь руководствовался иными критериями и что принцип «сокрытия и тем не менее показа» не характерен для метода Сыма Цяня.

Составляя биографии исторических деятелей, Сыма Цянь давал им ту или иную оценку с тем, чтобы «честные из их числа могли служить примером, а недостойные — предостережением»¹⁴³. Однако противопоставление добра и зла в по-

¹⁴⁰ Там же, стр. 13.

¹⁴¹ В. Watson, *Ssu-ma ch'ien...*, стр. 95.

¹⁴² Ю. Л. Кроль, *О некоторых особенностях метода использования источников в «Исторических записках» Сыма Цяня*, — в кн.: «Дальний Восток», стр. 138.

¹⁴³ ШЦ, т. 6, стр. 3154.

ступках людей, их положительных и отрицательных качеств, к которому столь часто прибегает Сыма Цянь в своей книге, было подчинено у него исторической правде. Су Сюнь, например, весьма произвольно толкует идею, выраженную в главе «Жизнеописание Су Циня», относя последнего к числу людей, имевших «десять ошибок и одну заслугу». Напротив, Сыма Цянь не соглашается с распространенной в его время отрицательной оценкой деятельности Су Циня и рисует его в «Исторических записках» в совершенно ином свете.

В послесловии к «Жизнеописанию Су Циня» историк специально оговаривает, что его герою часто приписываются поступки, совершенные разными лицами в разное время. «Поэтому, — пишет Сыма Цянь, — я изложил события его жизни, установив их последовательность во времени, чтобы о нем было известно не одно только дурное»¹⁴⁴.

Это замечание Сыма Цяня чрезвычайно важно. Оно свидетельствует о том, что, давая оценку историческим деятелям, он не пытался превратить живую личность в застывшую схему, абстрактное олицетворение добра или зла. Мастерство Сыма Цяня как раз и заключалось в том, что он изображал деятелей прошлого как реально существовавших людей с их достоинствами и недостатками, вскрывал подчас противоречивый характер их мировоззрения и деятельности. Историк гневно осуждает бесчеловечие «жестоких чиновников» ханьской эпохи, однако признает положительное значение некоторых сторон их деятельности¹⁴⁵.

В то же время Сыма Цянь отнюдь не стремился к идеализации тех личностей, которым он давал положительную оценку. Он высоко ценил Чэнь Шэ, сравнивая его роль в низвержении циньской династии с деяниями Чэн-тана и У-вана. Однако, составляя жизнеописание Чэнь Шэ, историк не скрыл от читателя ошибок этого народного вождя. Сыма Цянь нарисовал образ в развитии, показав, как постепенно Чэнь Шэ отрывался от родной почвы, от среды, из которой сам вышел.

¹⁴⁴ ШЦ, т. 5, стр. 2277.

¹⁴⁵ ШЦ, т. 6, стр. 3154.

Достаточно вспомнить яркий эпизод, помещенный Сыма Цянем в конце биографии Чэнь Шэ. Во дворец к Чэнь Шэ, ставшему ваном, приходит его земляк, с которым они некогда вместе батрачили. Пораженный богатством палат вана, он вспоминает былое, что вызывает недовольство приближенных Чэнь Шэ. По их совету Чэнь Шэ велит казнить непрошеного гостя. По мнению Сыма Цяня, именно из-за подобных ошибок Чэнь Шэ потерпел в конце концов поражение.

В «Основных записях» Сян Юя и Гао-цзу (гл. 7 и 8) историк, хотя и говорит о многих положительных сторонах своих героев, не умалчивает и об их недостатках, не опускает тех деталей, которые противоречат идеализированному образу этих правителей.

Таким образом, многие примеры убеждают нас в том, что при распределении материала по различным главам «Исторических записок» Сыма Цянь не руководствовался принципами, впервые сформулированными Су Сюнем.

Однако почему в таком случае историк умалчивал в биографии одного лица о некоторых фактах, имеющих к нему отношение, и включал их в биографию кого-либо другого? Нам представляется, что убедительный ответ на этот вопрос дан Цзи Чжэнь-хуаем¹⁴⁶. Прежде всего придворный историограф отнюдь не стремился включать в биографию той или иной личности все известные ему свидетельства об этом человеке. Это явствует из следующих слов Сыма Цяня: «На досуге [Чжан Лян] обсуждал с императором многие дела Поднебесной, но эти беседы не оказали влияния на судьбы Поднебесной, поэтому я не привожу их»¹⁴⁷.

Далее, выбрав наиболее существенные факты биографии данного лица, Сыма Цянь подчас не дает их детального описания, а упоминает о них мимоходом, оговаривая, в какой главе «Исторических записок» читатель может найти подробности. Такого рода ссылки на другую главу часто встречаются в тексте книги, благодаря им автор избегает повторений.

¹⁴⁶ Цзи Чжэнь-хуай, *Сыма Цянь*, стр. 112—114.

¹⁴⁷ ШЦ, т. 4, стр. 2048—2049.

В ряде случаев, наконец, Сыма Цянь вовсе не упоминает о каком-либо факте в биографии одного лица, но включает его в биографию другого. Здесь он руководствуется тем, какую роль в жизни этих людей сыграло данное событие. Например, в биографии Чжан Ляна ничего не сказано о предложенном им плане уничтожения армии Сян Юя; подробности этого плана содержатся в «Основных записях Сян Юя», потому что для Чжан Ляна этот план был одной из многих разработанных им стратегических операций и не представлял в этом смысле ничего исключительного, но для Сян Юя, напротив, это был вопрос жизни или смерти.

Метод, примененный Сыма Цянем, в значительной мере способствовал тому, что отдельные главы его труда превращаются в органически связанное целое, взаимно дополняют и уточняют друг друга. В этом,—положительная черта архитектоники «Исторических записок», заимствованной у Сыма Цяня последующими историками и положенной в основу всех «династийных историй» феодального Китая.

* * *

Рассказав об «Исторических записках» и Сыма Цяне, мы ставили перед собой цель дать общее представление об этом выдающемся памятнике древнекитайской мысли, его авторе, некоторых спорных проблемах, связанных с *Ши цзи*, об основных принципах исторического метода историографа.

Интерес к творчеству выдающегося ученого-энциклопедиста Древнего Китая Сыма Цяня в мире не ослабевает. За последнее десятилетие появился ряд новых переводов глав «Исторических записок» и исследований памятника¹⁴⁸. Советские

¹⁴⁸ «Records of the Grand Historian of China» Translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien by Burton Watson, vol. I, II, New York, 1961; F. A. Kierman, *Ssu-ma Ch'ien's Historiographical Attitude as reflected in four late Warring States Biographies*, Wiesbaden, 1962; Fritz Jager, *Das 82 Kapitel des Shi-Gi*,—«Sino-Japonica». Festschrift Andre Wedemeyer zum 80. Geburtstag. Leipzig, 1956, стр. 107—117; Fritz Jager, *Die Biographie des Wu Tsu-hsü*,—«Oriens Extremus», 1960, № 1, стр. 1—16; E. Haenisch, *Gestalten aus der Zeit der Chinesischen Hegemoniekämpfe. Übersetzungen*

ученые, продолжая традиции отечественного китаеведения, также расширяют изучение творчества Сыма Цяня и осуществляют переводы отдельных частей его труда¹⁴⁹. Вместе с тем нельзя не заметить, что советский читатель до настоящего времени не имеет в своем распоряжении полного текста важнейших разделов «Исторических записок» на русском языке. Научный перевод текста *Ши цзи* на русский язык — задача, несомненно, важная и назревшая.

Настоящее издание призвано начать осуществление этой научно-культурной задачи. В I и II томах будет представлен первый из пяти разделов *Ши цзи* — «Основные записи» в 12 главах. Знакомство с «Историческими записками» на русском языке поможет еще лучше понять историю и культуру древнего Китая.

М. В. Крюков

aus Sema Ts'ien's historischen Denkwürdigkeiten,— «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», 1962, Bd XXIV, H. 2; W. Eichhorn, *Die Volkshelden der Han-Zeit nach dem Biographien des Schih-chi*,— «Studia Sino-Altaica», Festschrift für Eric Haenisch zum 80. Geburtstag. Wiesbaden, 1961, стр. 47—58.

B. Watson, *Ssu-ma Ch'ien. Grand Historian of China*, New York, 1958; R. Crauford, *The Social and Political Philosophy of the Shih chi*,— «The Journal of Asian Studies», vol. XXII, 1963, № 4; Т. Pokora, *The First Interpolation in the Shihshi*,— «Archiv Orientalni», 1961, vol. 29, стр. 311—315.

¹⁴⁹ Сыма Цянь, *Избранное*, пер. В. Панасюка. Общая редакция, предисловие и комментарии Л. И. Думана, М., 1955; Л. С. Переломов, 48 глава *Ши цзи* (перевод),— «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 192—205; «Китайская классическая проза» в переводах академика В. М. Алексеева, М., 1958, стр. 79—155; «Хрестоматия по истории Древнего Востока», М., 1963, стр. 472—485; а также статьи Л. И. Думана, Н. И. Конрада, Ю. Л. Крюля, Л. Д. Позднеевой (см. «Библиографию»).